



Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Казахстан Спектр

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3
2023
www.kisi.kz

Роль экспертных диалоговых площадок в укреплении
сотрудничества между странами Центральной Азии
Бауыржан Аукеп,
Айдар Курмашев

Институт семьи в образе будущего
казахстанской молодежи
Жулдызай Искакова,
Наталья Калашникова

Система социальных лифтов, адаптации и
интеграции для сельской молодежи
Меруерт Тулебаева

Социализация через международные институты.
Расшифровка взглядов Китая на права
интеллектуальной собственности после
его вступления в ВТО
Юэ Лу

Лизинг как действенный инструмент
государственной поддержки предпринимательства
Саят Урпежанов,
Айнагуль Адамбекова

Анализ демографических тенденций моногородов
Восточно-Казахстанской области
Зауреш Ахметова,
Наталья Товма,
Нурсултан Шуренов

ISSN 1562-6318



9 771562 631162

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

Бауыржан Аукен, Айдар Курмашев	Роль экспертных диалоговых площадок в укреплении сотрудничества между странами Центральной Азии 7
-----------------------------------	--

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Жулдызай Исакова, Наталья Калашникова	Институт семьи в образе будущего казахстанской молодежи 17
Меруерт Тулебаева	Система социальных лифтов, адаптации и интеграции для сельской молодежи 33
Юэ Лу	Социализация через международные институты? Расшифровка взглядов Китая на права интеллектуальной собственности после его вступления в ВТО 50

АКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Саят Урпежанов, Айнагуль Адамбекова	Лизинг как действенный инструмент государственной поддержки предпринимательства 70
Зауреш Ахметова, Наталья Товма, Нурсултан Шуренов	Анализ демографических тенденций моногородов Восточно-Казахстанской области 85



Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Абен Асел**,
главный эксперт КИСИ при Президенте РК,
доктор PhD по экономике

Ответственный за выпуск: Алмас Арзикулов
Редактор-корректор: Акмарал Бакирова
Верстка: Павел Романенко

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитши-
лик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и
массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство
№644. ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакцион-
ной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в.
Тираж:

Мазмұны

КӨЗ ҚАРАС. ОЙ-ПІКІР. ТАЛҚЫЛАУ

Бауыржан Әукен,
Айдар Құрмашев

Орталық Азия елдері арасындағы
ынтымақтастықты нығайтудағы сараптамалық
диалог платформалардың рөлі. 7

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Жұлдызай Ысқақова,
Наталья Калашникова

Қазақстандық жастардың болашақ бейнесіндегі отбасы
институты 17

Меруерт Тулебаева

Әлеуметтік лифт жүйесі, ауыл жастары үшін
бейімделу және интеграция 33

Юэ Лу

Халықаралық институттар арқылы әлеуметтендіру?
ДСҰ-ға кіргеннен кейін Қытайдың зияткерлік меншік
құқықтары туралы көзқарастарының мағынасын ашу . . 50

АҚТУАЛДЫ ЭКОНОМИКА

Саят Үрпежанов,
Айнагул Адамбекова

Лизинг кәсіпкерлікті мемлекеттік қолдауының
тиімді құралы ретінде. 70

Зауреш Ахметова,
Наталья Товма,
Нұрсұлтан Шүренов

Шығыс Қазақстан облысындағы монокалалардың
демографиялық тенденцияларын талдау 85



Қазақстан Республикасы
Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Әбен Әсел**,
ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы,
экономика ғылымдарының PhD докторы

Шығаруға жауапты: Алмас Арзықұлов
Редактор-корректор: Ақмарал Бөкірова
Беттеу: Павел Романенко

Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ.,
Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail:
office@kisi.kz.

Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997

жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318

Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға

сілтеме жасалуы міндетті.

Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі

мүмкін. . Таралымы: .

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

- Bauyrzhan Auken,
Aidar Kurmashev** The role of expert dialogue platforms in strengthening
cooperation between Central Asian countries. 7

POLITICS AND SOCIETY

- Zhuldyzay Iskakova,
Nataliya Kalashnikova** Family institute in the image of the future
of Kazakhstan youth 17
- Meruert Tulebayeva** System of social elevators, adaptation and integration
for rural youth 33
- Yue Lu** Socialization through international institutions? Decoding
China's views on intellectual property rights since its wto
accession 50

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

- Sayat Urpezhanov,
Ainagul Adambekova** Leasing as an effective instrument of state support of
entrepreneurship 70
- Zauresh Akhmetova,
Nataliya Tovma,
Nursultan Shurenov** Analysis of demographic trends of monocities in East
Kazakhstan region. 85



Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Assel Aben**,
chief expert of the KazISS under the President
of the Republic of Kazakhstan, PhD in Economics

Responsible for publication: Almas Arzikulov

Editor-corrector: Akmaral Bakirova

Layout: Pavel Romanenko

Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.

Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.

The journal was registered by the National Agency of press and information of

the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318

All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the

editorial board may not coincide with that of the authors of articles.

Printed by.

Copies: .

Редакционный совет

Еркин Тукумов	– председатель Редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
Рахман Алшанов	– президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
Гульмира Илеова	– директор ОФ Центр социально-политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
Гульнар Насимова	– заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
Вячеслав Додонов	– главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор экономических наук
Андрей Чеботарёв	– директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
Мартин Брусис	– доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Германия)
Синтия Каплан	– профессор Калифорнийского университета (США)
Геннадий Чуфрин	– академик РАН, доктор экономических наук, профессор
Асель Абен	– шеф-редактор, главный эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор PhD по экономике
Айжан Молдагалиева	– редактор, старший эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК

Редакциялық кеңес

Еркін Тұқымов	–	Редакциялық кеңестің төрағасы, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы ҚСЗИ директоры, саясаттану ғылымдарының кандидаты
Рахман Алшанов	–	«Тұран» білім беру корпорациясының президенті, Қазақстан Республикасы ЖОО-лар Ассоциациясы президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
Гүлмира Илеуова	–	«Стратегия» әлеуметтік-саяси зерттеулер орталығы Қоғамдық қорының директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
Гүлнар Насимова	–	Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдар докторы, профессор
Вячеслав Додонов	–	ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының докторы
Андрей Чеботарёв	–	«Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
Мартин Брусис	–	әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Еуропаны зерттеудің жоғарғы мектебі, Людвиг Максимилиан Мюнхен Университеті (Германия)
Синтия Каплан	–	Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)
Геннадий Чуфрин	–	РҒА академигі, экономика ғылымдарының докторы, профессор
Әсел Әбен	–	бас редактор, ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы, экономика ғылымдарының PhD докторы
Айжан Молдағалиева	–	редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ аға сарапшысы

Editorial Board

Yerkin Tukumov	–	Chairman of the Editorial Board, Director of the KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Science
Rakhman Alshanov	–	President of “Turan” Educational Corporation, President of Kazakhstan Association of Higher Educational, Doctor of Economic Sciences, professor
Gulmira Ileuova	–	Director of “Strategy” Center for Socio-Political Research, Candidate of Sociological Sciences
Gulnar Nasimova	–	Head of Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of Political Science, Professor
Vyacheslav Dodonov	–	Chief Research Fellow of KazISS under President of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences
Andrey Chebotarev	–	Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies, Candidate of Political Sciences
Martin Brusis	–	Director of Graduate School for East and Southeast European Studies, Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
Cynthia Kaplan	–	Department of Political Science, University of California Santa Barbara (USA), Professor
Gennady Chufrin	–	Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
Assel Aben	–	Chief Editor, chief expert of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD in Economics
Aizhan Moldagaliyeva	–	Editor, senior expert of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

МРНТИ:
11.25.67

РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ ДИАЛоговых ПЛОЩАДОК В УКРЕПЛЕНИИ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Бауыржан Аукен¹,
Айдар Курмашев²

¹ старший эксперт Отдела азиатских исследований,
КИСИ при Президенте РК, e-mail: auken_b@kisi.kz

² руководитель Отдела азиатских исследований,
КИСИ при Президенте РК, e-mail: kurmashev_a@kisi.kz

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-3.01>

Аннотация. Настоящая статья проводит анализ актуальности проведения форумов аналитических центров в современных условиях, характеризующихся сложными мировыми вызовами и изменениями. Основное внимание уделяется экспертным диалоговым площадкам, проводимых Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте РК, в том числе Центрально-Азиатскому Форуму по безопасности и сотрудничеству. Авторы статьи подчеркивают важность второй дорожки дипломатии и обмена экспертными мнениями для укрепления сотрудничества и решения актуальных глобальных и региональных проблем.

Ключевые слова: мозговые центры, диалоговые площадки, Центральная Азия, приоритеты развития региона, образы будущего.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІ АРАСЫНДАҒЫ
ЫНТЫМАҚТАСТЫҚТЫ НЫҒАЙТУДАҒЫ САРАПТАМАЛЫҚ
ДИАЛОГ ПЛАТФОРМАЛАРДЫҢ РӨЛІ

Бауыржан Әукен¹, Айдар Құрмашев²

¹ Азиялық зерттеулер бөлімінің аға сарапшысы, ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ, e-mail: auken_b@kisi.kz

² Азиялық зерттеулер бөлімінің басшысы, ҚР Президенті жанындағы

Аңдатпа. Мақалада күрделі жаһандық сын-қатерлер мен өзгерістермен сипатталатын қазіргі таңдағы талдау орталықтары форумдарын өткізудің өзектілігі талданады. Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты ұйымдастыратын сарапшылық диалог алаңдарына, оның ішінде Орталық Азиядағы қауіпсіздік және ынтымақтастық форумына басты назар аударылады. Мақала авторлары ынтымақтастықты нығайту және өзекті жаһандық және аймақтық мәселелерді шешу үшін дипломатияның екінші жолының және сараптамалық пікір алмасудың маңыздылығын атап көрсетеді.

Түйінді сөздер: *талдау орталықтары, диалог алаңдары, Орталық Азия, өңірлік даму басымдықтары, болашақ бейнелері.*

THE ROLE OF EXPERT DIALOGUE PLATFORMS IN STRENGTHENING COOPERATION BETWEEN CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Bauyrzhan Auken^{1*}, Aida Kurmashev²

¹ Senior Expert, Department of Asian Studies, KazISS under the President of the RK, e-mail*: auken_b@kisi.kz

² Head of Asian Studies Department, KazISS under the President of the RK, e-mail: kurmashev_a@kisi.kz

Annotation. This article analyzes the relevance of holding think tank forums in modern conditions, characterized by complex global challenges and changes. The main attention is paid to expert dialogue platforms held by the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, including the Central Asian Security and Cooperation Forum. The authors of the article emphasize the importance of the second track of diplomacy and the exchange of expert opinions to strengthen cooperation and solve pressing global and regional problems.

Keywords: *think tanks, dialogue platforms, Central Asia, regional development priorities, images of the future.*

Введение

Трансформация геополитической динамики в современном мире оказывает существенное воздействие на формирование внешней политики государств Центральной Азии, которые расширяют свои дипломатические инструменты в том числе через экспертный трек.

В свете данных изменений возрастает роль и влияние аналитических

центров, которые играют важную роль в формировании стратегических решений и ориентиров внешней политики. Следовательно, организация диалоговых площадок «мозговых центров» становится актуальной задачей международной повестки дня. Эти площадки предоставляют возможность ученым и экспертам из различных стран обсуждать ключевые вопросы, касающиеся глобальной и региональной безопасности, торговли, и других аспектов мировой политики.

Преимущество таких встреч заключается в их содействии формированию взаимного понимания интересов между участниками. Этот диалог в свою очередь способствует выработке конструктивных предложений и решений по разрешению глобальных и региональных проблем.

В мире существует ряд авторитетных площадок, где проводятся подобные мероприятия, такие как Raisina Dialogue, Мюнхенская конференция по безопасности. Они играют важную роль в обеспечении многогранных обсуждений и обмена мнениями между представителями политических, научных и бизнес-сообществ.

Важно отметить, что в текущем году Казахстанский институт стратегических исследований совместно с Министерством иностранных дел РК, организовал первый Центрально-Азиатский Форум по безопасности и сотрудничеству, на который были приглашены ведущие эксперты из 25 стран мира. Это мероприятие предоставило уникальную площадку для обсуждения и анализа вопросов, касающихся стабильности и сотрудничества в регионе.

Методология: в статье проведен обзор и анализ актуальности проведения мероприятий с участием большого числа экспертов аналитическими центрами с оценкой их значимости в современном геополитическом контексте.

В частности, в статье рассматривается вопрос практической значимости экспертных площадок, проводимых Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте РК, в развитии сотрудничества стран Центральной Азии. Для сбора данных использовались материалы экспертных встреч, в том числе программы мероприятий, выступления спикеров, статьи и интервью в СМИ, а также результаты экспертного опроса, проведенного КИСИ при Президенте РК от 20 января 2023 года. В статье также анализируются результаты Центрально-Азиатского Форума по безопасности и сотрудничеству, проведенного 13-14 июля 2023 года.

Обсуждение и результаты

Приоритеты и образы будущего Центральной Азии

Если переговоры на политическом уровне между официальными представителями государств обычно обусловлены различными рамками, то экспертный диалог позволяет вести обсуждение любых острых вопросов в открытом формате.

На сегодняшний день страны Центральной Азии стремятся к углублению международной кооперации, что имеет тенденцию к институционализации сотрудничества в конкретных отраслях. Этот процесс сопровождается углублением экспертных диалогов, которые становятся более предметными с укреплением взаимосвязей между аналитическими и исследовательскими центрами.

Существенное увеличение числа экспертных площадок в регионе Центральной Азии становится заметным трендом. Институты стратегических исследований в странах региона ежегодно организуют встречи и форумы, на которых обсуждаются вопросы, имеющие важное значение для стран-организаторов. Эти мероприятия служат платформами для обмена мнениями и опытом, а также способствуют созданию новых знаний и идей [1].

КИСИ является традиционной площадкой для встреч с экспертами из Центральной Азии и организовал ряд мероприятий в течение последних лет. К примеру, 29 июня 2022 года в Астане состоялась международная конференция «Центральноазиатское сотрудничество в новых геополитических условиях: вызовы и перспективы» [2]. Также 14 октября 2022 года был организован экспертный форум «Центральная Азия – Россия: повестка совместного развития». В начале текущего года 20 января КИСИ при Президенте РК в сотрудничестве с Министерством иностранных дел РК организовал экспертную встречу под названием «Центральная Азия 2030: образы будущего» [3].

В ходе данного мероприятия КИСИ провел экспертный опрос, в котором экспертное сообщество поделились своими взглядами на проблемы и возможности регионального взаимодействия. Также респонденты выразили мнение о главных драйверах экономического роста, приоритетных внешнеэкономических партнерах, форматах институционализации сотрудничества и образах будущего стран Центральной Азии [4].

Так, в ТОП-5 рисков по мнению респондентов вошли: дефицит водных ресурсов, низкое качество человеческого капитала, усиление влияния вне-региональных игроков, социально-экономическое положение населения, а также последствия климатических изменений.

Решение этих рисков требует совместных усилий государства, бизнеса и общества. Развитие устойчивых стратегий, инвестиции в человеческий капитал и охрану природы, а также содействие социальной справедливости и сотрудничество с другими регионами могут способствовать преодолению этих вызовов и обеспечению устойчивого развития региона.

Наряду с рисками и вызовами, эксперты также отметили **ТОП-5 приоритетных направлений кооперации** стран Центральной Азии: расширение сети транспортных коридоров, синхронизация усилий стран по развитию водно-энергетического потенциала, формирование регионально-сельскохозяйственного кластера, развитие туристического потенциала Центральной Азии, а также совместное развитие человеческого капитала.

Рисунок 1. Ответы респондентов на вопрос «Отметьте, пожалуйста, 5 основных рисков, которые могут негативно повлиять на развитие стран Центральной Азии?», в %.



Составлено авторами на основании данных исследования КИСИ при Президенте РК

Реализация этих приоритетных направлений требует согласованных действий и участия всех стран Центральной Азии. Кроме того, важно привлекать международных партнеров и организации для поддержки и финансирования проектов, направленных на достижение этих целей.

Таблица 1. Ответы респондентов на вопрос «Отметьте, пожалуйста, 5 наиболее приоритетных направлений кооперации стран Центральной Азии?», в %

Вариант ответа	Доля
Расширение сети транспортных коридоров	79,5%
Синхронизация усилий стран по развитию водно-энергетического потенциала	79,5%
Формирование регионального сельскохозяйственного кластера	48,7%
Развитие туристического потенциала Центральной Азии	48,7%
Совместное развитие человеческого капитала	46,2%
Реализация проектов по борьбе с климатическими изменениями	41,0%
Реализация совместных научно-образовательных программ	38,5%

Организация совместных промышленных производств	33,3%
Совместное привлечение инвестиций	33,3%
Создание общего медиа-пространства	10,3%

Источник: составлено авторами на основе экспертного опроса КИСИ при Президенте РК

Эксперты также поделились своим мнением касательно наиболее вероятных трендов развития Центральной Азии в 2030 году. В целом отмечается превалирование позитивных тенденций.

Прогнозирование будущих трендов развития региона дает ценную информацию о возможных сценариях и вызовах для региона. В целом, согласно мнению экспертов, преобладают оптимистические тенденции, но существуют и риски.

Транзитный хаб: Большинство (56,4%) экспертов считают, что Центральная Азия имеет потенциал стать важным транзитным хабом для торговли и транспорта. Это может способствовать увеличению инвестиций в инфраструктуру и развитию экономики региона, создавая новые возможности для развития.

Безопасность в регионе: 64,1% экспертов видят перспективу объединения усилий стран Центральной Азии для обеспечения безопасности. Это важно, учитывая региональные вызовы, такие как терроризм и наркотрафик. Совместные действия могут повысить стабильность и способствовать развитию.

Международные организации: 25,6% экспертов считают, что в будущем появление новых международных организаций в регионе более вероятно, чем деактуализация существующих (23,1%). Это может отразить растущее внимание мировых акторов к Центральной Азии и их стремление к сотрудничеству.

Однако, несмотря на оптимистические прогнозы, существуют и риски:

Конкуренция за водные ресурсы: 41% экспертов предупреждают о возможной конкуренции между странами региона за ограниченные водные ресурсы. Это может стать источником напряженности и конфликтов, требующих совместных усилий для решения проблем водопользования.

Борьба внешних игроков: Усиление борьбы внешних игроков за влияние в регионе представляет собой риск для стабильности. Регион может стать объектом геополитических интересов, и странам Центральной Азии придется балансировать между разными акторами.

В целом, можно констатировать, что развитие Центральной Азии в 2030 году будет зависеть от способности стран региона справляться с вызовами и сотрудничать для достижения общих целей. С учетом правильных стратегий и мероприятий, регион может использовать свой потенциал для устой-

чивого и процветающего будущего.

Рисунок 2. Ответы респондентов на вопрос «Отметьте, пожалуйста, 5 наиболее вероятных тренда в Центральной Азии в 2030 году?» в %.



Источник: составлено авторами на основе экспертного опроса КИСИ при Президенте РК

Выработка данного перечня актуальных вопросов и задач для Центральной Азии позволила предоставить странам региона инструмент для разработки систематического подхода к точечному решению проблем. Государства региона имеют возможность не только разрабатывать конкретные стратегии, но и изучать вопрос о последующем внедрении специальных мер через реформы и проекты национального и регионального масштабов.

Между тем, важно отметить, что это только первый шаг. Решение региональных вопросов потребует согласованных усилий со стороны всех заинтересованных сторон, включая, как самих стран Центральной Азии, так и сопредельных государств и регионов.

Центрально-Азиатский Форум по безопасности и сотрудничеству

С целью изучения процессов кооперации в Центральной Азии с более широкого ракурса в Астане 13-14 июля 2023 года был проведен **Центрально-Азиатский Форум по безопасности и сотрудничеству**, темой которого стала «Азия в меняющемся мире: повестка для будущего».

Экспертный форум подтвердил большой интерес известных мировых интеллектуалов и экспертов к Центрально-Азиатскому региону. Форум собрал ведущих специалистов в сфере международных отношений из 25 стран мира [5]. Показательно участие руководства ведущих «мозговых центров» Центрально-Азиатских стран, Китая, Индии, России, Южной Кореи, Индонезии, Ирана, Монголии, ОАЭ, Японии, а также высоких представителей ООН и ЕС.

Приветственное слово Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева участникам Форума был зачитан заместителем Премьер-Министра – Министром иностранных дел РК Муратом Нуртлеу. В своем обращении Президент отметил: «Стремясь осмыслить миссию нашего региона в современном мире, мы должны, прежде всего, исходить из общих внутренних интересов безопасности и непоколебимого стремления к всестороннему сотрудничеству на пути к устойчивому прогрессу. Не случайно наша страна непоколебимо придерживается формулы «Успешная Центральная Азия – успешный Казахстан». Уверен, что Центрально-Азиатский Форум по безопасности и сотрудничеству будет способствовать консолидации интеллектуального капитала региона в интересах укрепления стабильности, солидарности и устойчивого развития наших стран».

В ходе Форума обсуждались вопросы глобальных вызовов безопасности и поиск путей сотрудничества, образ будущего Азии в эпоху глобализации и регионализации, институциональная и инфраструктурная сопряженность Центральной Азии с сопредельными регионами, а также многие другие актуальные вопросы развития [6].

Основными тезисами Форума стали:

1. Центральная Азия нуждается в консолидации, которая укрепит суверенитет и самодостаточность каждой из стран участниц. Обозначена необходимость выработки единой стратегии по развитию региона. При этом, зарубежными спикерами было отмечено, что необходим учет интересов всех стран региона и формирование соответствующих условий, включая правовые и институциональные.

2. Субъектность Центральной Азии способна стать связующим базисом для сотрудничества азиатских стран. Это, по мнению экспертов, позволит обеспечить инклюзивность развития всей Азии через реализацию совместных проектов. Определяющими векторами такого сотрудничества станут, прежде всего, транспортные проекты, нацеленные на решение торгово-экономических и продовольственных вопросов.

3. Потенциал средних держав могут сыграть значительную роль в глобальных и региональных вопросах, если объединят свои усилия. Центральная Азия географически расположена на стыке различных регионов и имеет грани с несколькими влиятельными государствами. Этот фактор делает регион ключевой платформой для многих международных инициатив и проектов. Государства Центральной Азии могут воспользоваться

этим геополитическим положением, чтобы усилить свою роль в мировых делах.

Данные тезисы Форума еще раз подчеркнули важность единства, сотрудничества и стратегического планирования для достижения устойчивого развития в Центральной Азии. Регион имеет потенциал стать значимым участником глобальных дел, и решение данных вызовов и задач способствует его укреплению и процветанию в изменяющемся мире.

Выводы

На сегодняшний день, в контексте динамично меняющейся мировой политической обстановки, актуальность второй дорожки дипломатии и проведения экспертных площадок для укрепления сотрудничества между странами становится все более очевидной и неотъемлемой частью международных отношений. Форумы, на которых участвуют эксперты, предоставляют уникальную возможность для стран выявлять новые вызовы и оперативно реагировать на них, а также способствуют диалогу и обмену мнениями.

Открытость и доступность таких площадок позволяют поднимать острые вопросы и искать коллективные решения проблем, что является неотъемлемой частью современных международных отношений. В данном контексте, Казахстанский институт стратегических исследований активно внедряется в организацию экспертных встреч с представителями ведущих аналитических центров Центральной Азии, что способствует консолидации усилий в укреплении взаимосвязанности региона.

Проведение Центрально-Азиатского Форума по безопасности и сотрудничеству стало заметным шагом в направлении усиления международной активности региона. Форум предоставил странам Центральной Азии возможность выслушать мнения ведущих экспертов и политиков из Азии и других частей света относительно вызовов и возможностей, с которыми сталкиваются страны региона.

Список литературы

1. Experts Outline Security Challenges, Human Capital Development as Forum Wraps Up // <https://astanatimes.com/2023/07/experts-outline-security-challenges-human-capital-development-as-forum-wraps-up/>.
2. Сыздыкова Л., Эксперты ведущих "мозговых центров" стран Центральной Азии встретились в Нур-Султане // <https://kazpravda.kz/n/eksperty-vedushchih-mozgovyih-tsentrov-stran-tsentralnoy-azii-vstretilis-v-nur-sultane/>.
3. Прохоров И., Центральная Азия: стимулы для интеграции // <https://kazpravda.kz/n/tsentralnaya-aziya-stimuly-dlya-integratsii/>.
4. Экспертный опрос, проведенный Казахстанским институтом

стратегических исследований при Президенте РК посредством платформы Google Forms. Объем выборки: 39 респондентов – участников экспертной встречи «Центральная Азия: образы будущего» от 20 января 2023 года из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана.

5. Central Asian Security and Cooperation Forum Kicks Off in Astana // <https://astanatimes.com/2023/07/central-asian-security-and-cooperation-forum-kicks-off-in-astana/>.
6. Dr Raashid Wali Janjua, Central Asia rising // <https://tribune.com.pk/story/2427458/central-asia-rising>.

References

1. Experts Outline Security Challenges, Human Capital Development as Forum Wraps Up // <https://astanatimes.com/2023/07/experts-outline-security-challenges-human-capital-development-as-forum-wraps-up/>.
2. Syzdykova L., Experts from the leading “think tanks” of Central Asian countries met in Nur-Sultan // <https://kazpravda.kz/n/eksperty-vedushchih-mozgovyh-tsentrov-stran-tsentralnoy-azii-vstretilis-v-nur-sultane/>.
3. P Rokhorov I. , Central Asia: incentives for integration // <https://kazpravda.kz/n/tsentralnaya-aziya-stimuly-dlya-integratsii/>.
4. Expert survey conducted by the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan via the Google platform Forms . Sample size: 39 respondents - participants in the expert meeting “Central Asia: Images of the Future” on January 20, 2023 from Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan.
5. Central Asian Security and Cooperation Forum Kicks Off in Astana // <https://astanatimes.com/2023/07/central-asian-security-and-cooperation-forum-kicks-off-in-astana/>
6. Dr Raashid Wali Janjua, Central Asia rising // <https://tribune.com.pk/story/2427458/central-asia-rising>

ИНСТИТУТ СЕМЬИ В ОБРАЗЕ БУДУЩЕГО КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Жулдызай Искакова¹,
Наталья Калашникова²,

¹ Исследователь ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, PhD
e-mail: zhuldyzay89@gmail.com

² Заведующая кафедрой АНК ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,
доктор политических наук
e-mail: nerush50@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-3.02>

Аннотация. В связи с повышением в Казахстане возрастного ценза молодежи до 35 лет ее доля в структуре населения страны выросла и к 2023 году составила свыше 5 млн 700 тысяч, что представляет порядка 30% от общей численности.

С одной стороны, увеличение возраста молодежи позволяет рассмотреть различные возрастные этапы формирования представлений о семейных отношениях и множество вариантов реализации семейных практик в широкой призмe. В то же время на государство накладываются новые обязательства по созданию условий для формирования и развития семей.

В статье осуществлен анализ роли института семьи среди молодежи, а также анализ государственной политики в сфере сохранения и продвижения семейных ценностей в молодежной среде. Для этого авторами статьи был проведен анализ глобальных социальных трендов в молодежной среде, а также экспертный опрос о сфере брачных отношений в Республике Казахстан.

Результаты исследования показали, что отмечается качественное различие между восприятием семьи как традиционной социальной структуры и реальной семейной практикой. Также опрос фиксирует недостаточное участие государства в укреплении и развитии института семьи.

Ключевые слова: молодежь, ценности, семья, государство, институт семьи, брак, рождаемость.

ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ЖАСТАРДЫҢ БОЛАШАҚ БЕЙНЕСІНДЕГІ ОТБАСЫ ИНСТИТУТЫ

Жұлдызай Ысқақова¹, Наталья Калашникова^{2*}

¹ Л. Гумилев атындағы ЕҰУ зерттеушісі, PhD, Қазақстан
e-mail: zhuldyzay89@gmail.com

² Л. Гумилев атындағы ЕҰУ ҚХА кафедрасының меңгерушісі, саясаттану ғылымдарының докторы, Қазақстан
e-mail: nerush50@mail.ru

Аңдатпа. Қазақстанда жастардың жас цензасының 35 жасқа дейін өсуіне байланысты оның ел халқының құрылымындағы үлесі өсіп, 2023 жылға қарай 5 млн 700 мыңнан асты, бұл жалпы санның шамамен 30 пайызын құрайды.

Бір жағынан, жастардың жасын ұлғайту отбасылық қатынастар туралы идеяларды қалыптастырудың әртүрлі жас кезеңдерін және кең призмада отбасылық тәжірибені жүзеге асырудың көптеген нұсқаларын қарастыруға мүмкіндік береді. Сонымен бірге мемлекетке отбасыларды қалыптастыру және дамыту үшін жағдай жасау бойынша жаңа міндеттемелер жүктеледі.

Мақалада жастар арасындағы отбасы институтының рөлін талдау, сондай-ақ жастар ортасында отбасылық құндылықтарды сақтау және ілгерілету саласындағы мемлекеттік саясатты талдау жүзеге асырылды. Ол үшін мақала авторлары жастар ортасындағы жаһандық әлеуметтік трендтерге талдау, сондай-ақ Қазақстан Республикасындағы неке қатынастары саласы туралы сараптамалық сауалнама жүргізді.

Зерттеу нәтижелері отбасын дәстүрлі әлеуметтік құрылым ретінде қабылдау мен нақты отбасылық тәжірибе арасында сапалы айырмашылық бар екенін көрсетті. Сауалнама мемлекеттің отбасы институтын нығайтуға және дамытуға жеткіліксіз қатысуын тіркейді.

Түйін сөздер: жастар, құндылықтар, отбасы, мемлекет, отбасы институты, неке, туу.

FAMILY INSTITUTE IN THE IMAGE OF THE FUTURE OF KAZAKHSTAN YOUTH

Zhuldyzay Iskakova¹, Nataliya Kalashnikova^{2*}

¹ researcher of the L. Gumilyov ENU, Ph.D., Kazakhstan
e-mail: zhuldyzay89@gmail.com

² Head of the Assembly of People Department of the L. Gumilyov ENU, Doctor of Political Sciences, Kazakhstan, e-mail: nerush50@mail.ru

Annotation. Due to the increase in the age limit of young people under 35 in Kazakhstan, their share in the country's population structure has grown and by 2023 amounted to over 5 million 700 thousand, which represents about 30% of the total number.

On the one hand, the increase in the age of young people allows us to consider various age stages of the formation of ideas about family relations and a variety of options for the implementation of family practices in a broad prism. At the same time, new obligations are imposed on the State to create conditions for the formation and development of families.

The article analyzes the role of the institution of the family among young people, as well as the analysis of state policy in the field of preservation and promotion of family values among young people. For this purpose, the authors of the article conducted an analysis of global social trends in the youth environment, as well as an expert survey on the sphere of marriage relations in the Republic of Kazakhstan.

The results of the study showed that there is a qualitative difference between the perception of the family as a traditional social structure and real family practice. The survey also records the insufficient participation of the state in strengthening and developing the institution of the family.

Keywords: *youth, values, family, state, family institution, marriage, fertility.*

Введение

В последние годы в глобальном социальном пространстве наблюдается общий тренд развития – снижение коэффициента брачности, и как следствие, рождаемости. Современных молодых людей чаще интересует карьера, самореализация, обучение и экономическое благополучие. Во многих развитых странах мира некоторая часть молодежи предпочитает не заводить детей. Согласно исследованию Pew Research Center, в США за последние тридцать лет выросла доля тех, кто никогда не состоял в браке – с 17% до 33% [2]. В Южной Корее уровень рождаемости самый низкий в мире – в 2021 году составлял 0,81 ребенка, что составляет менее половины среднемирового показателя в 2,4 ребенка [3]. По прогнозам, к 2065 году население страны, где сейчас живет более 50 млн человек, может сократиться примерно на 10 млн [4].

Статистика также показывает, что растёт количество одиноких людей. По данным профессора Еврейского университета в Иерусалиме Эликаима Кислева, в Японии и на Тайване доля живущих в одиночестве граждан составляет 33% и 22% соответственно. В Европе есть сразу несколько городов, где число одиноких жителей превышает 50% – это Мюнхен, Франкфурт и Париж [5]. Среди молодежи много тех, кто делает осознанный выбор в пользу одиночества (синглы, от английского слова single – одинокий). Человек заводит семью не потому, что так принято или из-за эконо-

мической целесообразности, а просто потому, что ему этого хочется. При этом кому-то может быть комфортнее жить в одиночку, не обзаводиться серьезными отношениями и не иметь детей.

В Казахстане каждый третий гражданин – это молодой человек в возрасте от 14 до 35 лет. Данная категория представляет собой динамичную социальную группу, разнообразной в том числе и в культурном плане. Именно эта категория выступает одной из главных основ среднего класса, без которого невозможна реальная модернизация и дальнейшее развитие общества. От ее самочувствия, ценностных ориентаций, культурной и национальной самоидентификации, в конечном счете, зависит судьба всего общества и его социальных институтов.

С учетом расширения возрастных границ молодежи, отмечается увеличение среднего возраста мужчин, вступивших в брак, который составил 28 лет, средний возраст невест повысился до 25 лет [1]. Средний возраст матерей по стране составил 31,5 лет. Почти третья часть родившихся детей приходится на новую возрастную категорию от 29 до 35 лет, что составляет 32% (129,1 тыс. детей из общего числа 403 893 рожденных в 2022 году) [1].

В стране насчитывается 117 775 молодых семей, которые считаются многодетными, т.е. имеют 4 и более ребенка [1]. Однако, здесь необходимо отметить смещение показателя в сторону городских семей, что резко отличается от традиционных представлений о том, что многодетность, как явление, больше характерна для сельской местности.

Учитывая вышеперечисленные тенденции и характерные особенности, целью настоящей статьи стало изучение роль института семьи и современной политики государства в области сохранения и продвижения традиционных семейных ценностей в молодежной среде. Для достижения цели были реализованы следующие задачи:

- 1) определены роль семьи в молодежной системе ценностей;
- 2) рассмотрены изменения гендерных и социальных ролей среди молодежи;
- 3) выявлены ключевые тренды развития института семьи в Казахстане;
- 4) изучена эффективность государственной политики в области продвижения семейных ценностей;
- 5) обозначены основные направления работы государственных органов в вопросах продвижения традиционных семейных ценностей.

Методы исследования

В рамках анализа роли института семьи в молодежной среде и политики государства были проведены статистический и сравнительный анализ данных, экспертный опрос.

Экспертный опрос состоял из 7 вопросов в открытой и закрытой формах. Участие в опросе приняли 40 экспертов, имеющих ученую степень

либо опыт работы в сфере политологии, истории, демографии, социологии и других:

- 70% представителей научно-исследовательского сообщества;
- 10% - представителей государственной службы;
- 20% - представители других групп, среди которых: гражданское общество, бизнес, квазигосударственный сектор, культурно-просветительское учреждение, вуз, аккредитационное агентство.

Рисунок 1. Описание выборки



Результаты исследования и их обсуждение

История общественного развития утверждает, что у каждого нового поколения свое уникальное восприятие социальной действительности, обусловленное временными, культурными и иными идентичностями. В этом контексте важно отметить, что ценности казахстанской молодежи неизменны на протяжении нескольких лет. Ключевой ценностью для молодежи остается семья.

Таблица 1. Ценностные ориентиры молодежи

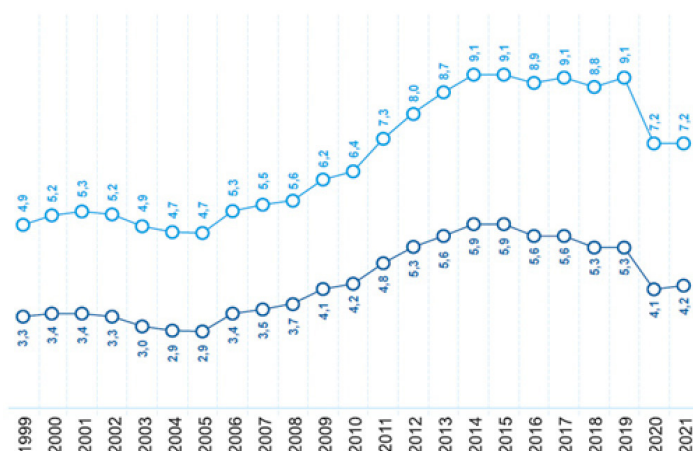
2018	2019	2020	2021	2022
1.Семья – 80,7%	1.Семья – 86,0%	1.Семья – 85,2%	1.Семья – 82,3%	1.Семья – 83,3%
2.Здоровье – 52,2%	2.Здоровье – 59,7%	2.Здоровье – 51,8%	2.Здоровье – 45,6%	2.Здоровье – 64,2%
3.Дружба – 28,5%	3.Дружба – 30,7%	3.Дружба – 28,3%	3.Дружба – 23,1%	3.Дружба – 40,7%
4.Любовь – 16,2%	4.Знание, образование – 13,3%	4.Вера, религия – 15,4%	4.Материально обеспеченная жизнь – 20,7%	4.Материально обеспеченная жизнь – 9,3%

5.Материально-обеспеченная жизнь – 16%	5.Карьера, положение в обществе – 11,1%	5.Материально-обеспеченная жизнь – 14,8%	5.Вера, религия – 16,2%	5.Любовь – 22,8%
--	---	--	-------------------------	------------------

Результаты исследований научно-исследовательского центра «Молодежь» (таблица составлена автором на основе результатов исследований с 2018 по 2022 годы)

Данные социологических исследований демонстрируют, что семья как традиционная социальная установка имеет важное значение в идентификационной системе молодежи. Вместе с тем, статистический анализ демонстрирует иные тренды, указывая на увеличение коэффициента разводимости в молодежной среде, особенно среди женщин

Рисунок 2. Динамика возрастного коэффициента разводимости среди молодежи, 1999-2021 гг. [6, стр. 161]



В Казахстане сложилась парадоксальная ситуация. Несмотря на ценность семьи как базового социального института, в стране растет количество разводов. В целях качественного измерения роли семьи в молодежной системе ценностей, а также уровня влияния и участия государства в регулировании сферы семейно-брачных отношений был проведен экспертный опрос по теме: «Брачно-семейные и репродуктивные установки казахстанской молодежи». Участие в опросе приняли 40 экспертов, имеющих ученую степень либо опыт работы в сфере политологии, истории, демографии, социологии и других. Анализ ответов выявил следующие ключевые характеристики восприятия и развития семейно-брачных отношений.

Первое. Основными социальными факторами и процессами, оказавшими серьезное влияние на семейно-брачные и репродуктивные установки молодого поколения, в частности, рожденного после 2000-х годов стали

следующие категории:

- Изменение ценностных ориентиров, когда отмечается отход от традиционной системы ценностей, индивидуализм, установка на самореализацию.

- Новые профессиональные установки, включающие карьеризм, экономические благосостояние, новые паттерны консьюмеризма. Молодые люди больше нацелены на карьеру и реализацию своих способностей, профессиональный рост, нежели на создание семьи. В результате снижается значение и необходимость создания брачных союзов.

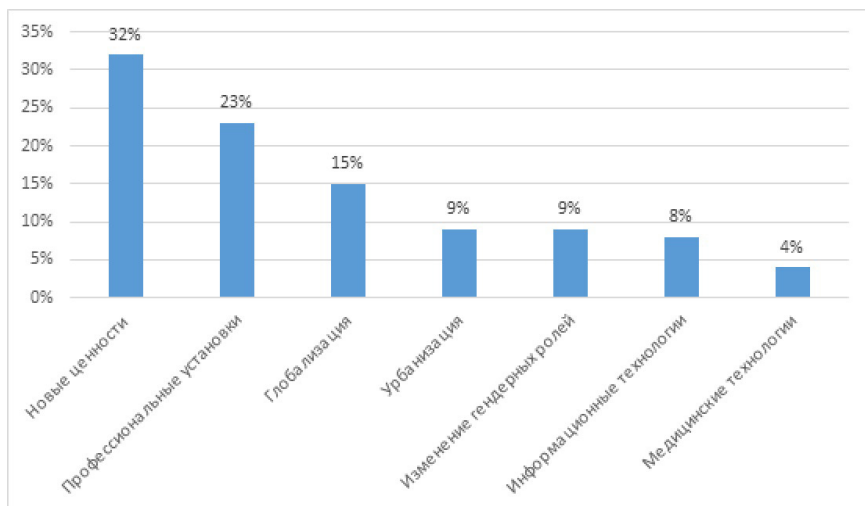
- Масштабные процессы глобализации и урбанизации также оказывают серьезное давление на поведенческие нормы современных молодых людей.

- Эмансипация привела к качественной трансформации традиционных гендерных ролей. Женщины все чаще откладывают рождение первого ребенка и даже брак, предпочитая личностный рост, профессиональную карьеру.

- Другим важным фактором стали информационные технологии. Развитие и расширение информационного поля способствовали появлению качественно новых возможностей для самореализации, которые требуют большей свободы и времени.

- Необходимо отметить и влияние медицинских технологий. По мнению экспертов, развитие методов контрацепции и медицинских услуг изменили репродуктивные установки женщин, стало больше откладываемой беременности на поздний срок. Кроме того, молодое поколение более осознанно подходит к родительству, многие еще до свадьбы уже понимают, сколько детей они хотят иметь или не иметь.

Рисунок 3. Факторы, определяющие семейно-брачные и репродуктивные установки молодежи, в % [7]



Как показывают результаты экспертного опроса, формирование семейно-брачных и репродуктивных установок молодежи в значительной степени лежит в плоскости ценностно-мировоззренческих паттернов. Под влиянием процессов глобализации и урбанизации взгляды на семью и семейные ценности становятся более гибкими, без традиционных установок на брак как способ социального развития. Современная молодежь – это более свободное поколение по образу мышления. У молодых людей более спокойное отношение к заключению брака и к разводу, большая свобода от общественных оценок. Учитывая нелинейный характер современного общественного развития, когда маленькие переменные в совокупности приводят к тектоническим социальным сдвигам, можно предположить, что институт семьи в молодежной перспективе будущего возможно претерпит определенные трансформации. Каждый вышеуказанный фактор и процесс в корне могут изменить традиционное восприятие института брака и семьи в Казахстане.

Второе. Роль государства в создании благоприятных условий для развития личности и семьи является основополагающей. Многие эксперты отмечают необходимость участия государства в процессе формирования и сохранения институциональных основ семьи. Однако, по их мнению, на текущем этапе развития в области планирования семьи роль государства недостаточна. Семейная политика реализуется в контексте работы с последствиями, а не с причинами. То есть такие социальные этапы развития как детство, школа, где уже закладываются базовые знания о социальном будущем, не в полной мере охвачены государством.

Большинство оценок сводится к тому, что необходимо усиливать институт семьи. Так как ослабление данного института в молодежной среде способствует распространению нетрадиционных семейных практик: гражданский брак, семья с одним родителем, семья со второй женой, семья «child-free» (сознательный отказ заводить детей), сологамия (сознательный выбор одиночества, отказ от долгосрочных отношений). Последствия такого выбора – малодетность и старение населения. Результаты социологического исследования Казахстанского института общественного развития демонстрируют, что в среднем, если свыше 25% положительного мнения и более 30% людей всех возрастных категорий нейтрально относятся к жизни в гражданском браке, значит, в казахстанском обществе каждый пятый брак может быть незарегистрированным [8, стр. 112-113].

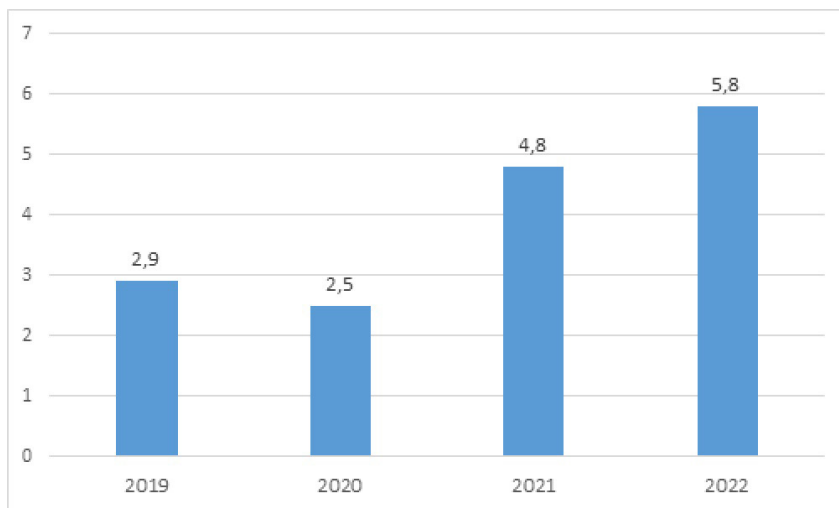
В Национальном докладе «Казахстанские семьи – 2022» отмечается, что за последние несколько лет растет доля незарегистрированных браков. Так, если в 2019 году этот показатель составлял 2,9%, то в 2022 году он достиг 5,8% [8, стр.180].

Рисунок 4. Отношение граждан Казахстана к «гражданским» бракам, в % [8, стр. 112-113]



Наблюдается тенденция увеличения доли граждан, вступающих в незарегистрированные браки, что вероятно будет продолжаться в среднесрочной перспективе.

Рисунок 5. Доля респондентов, состоящих в незарегистрированном браке, в % [8, стр.180]



Кризисные явления в глобальной экономике также оказывают серьезное давление на семейные установки молодежи. Очереди в детских садах, переполненные школы, отсутствие собственного жилья негативно влияют на решение создавать семью и заводить детей. В краткосрочной перспективе остро станет вопрос о высокой стоимости воспитания ребенка.

Согласно данным Центра исследований прикладной экономики, не менее четверти семей с четырьмя и более детьми не имеют финансовых средств для обеспечения семей основными элементами надлежащего уровня жизни: достаточным питанием, необходимой детской одеждой, лекарственными и стоматологическими услугами, коммунальными услугами [9].

Роль государства, по мнению экспертов, должна заключаться в качественном совершенствовании семейной политики через системное планирование, профессионализацию специалистов, широкое информационное освещение, социальную помощь. Особый акцент при реализации политики в области семейно-брачных отношений следует уделять вопросам репродуктивного здоровья. Сегодня отсутствуют эффективные механизмы информирования о репродуктивном здоровье молодежи и детей, отсутствует концепция планирования семьи.

Эксперты подчеркивают, что семейная политика должна строиться вокруг положения детей. Однако абсолютно не ведутся работы по планированию беременности и рождения детей. Не учитываются новые формы брака. Государственные органы и общество не осознают значимость проблем в этой сфере. Вероятно, следует модернизировать подходы в работе всех институтов социализации молодежи (семья, детские сады, школы, вузы, трудовые коллективы). Проводить исследования, разрабатывать материалы для просвещения и продумывать популяризацию семейных ценностей.

Третье. С одной стороны, государство не в полной мере формулирует, реализует и регулирует процесс популяризации семейных ценностей. Но с другой стороны, в молодежном дискурсе чаще выходит на поверхность вопрос соблюдения гражданских прав и свобод индивида в целом, в том числе его права на социальное самоопределение.

В Казахстане созданы и осуществляют свою деятельность специализированные органы, проводятся различные мероприятия (конкурсы, фестивали), но они не системные, от проекта к проекту, не становятся традиционными инструментами, хотя нацелены на позитивные и практические результаты.

Прежняя модель семьи в нашем обществе поменялась, когда в семье проживали три поколения. В настоящее время молодые люди после образования семьи живут отдельно, связи со старшим поколением фрагментарные, зачатую ценность не передаются, не разъясняются. Это работа очень важна при воспитании детей. Важно отметить и наличие большого количества негативных материалов в информационном пространстве страны, особенно о бытовом насилии, что также не способствует формированию и развитию позитивного отношения к институту семьи.

Совершенствование форм и механизмов реализации мер семейной политики, согласно экспертной оценке, должно концентрироваться в первую очередь, на четком определении понятия «семейные ценности», границ государственной и общественной ответственности. На текущий момент

проводится работа по популяризации семьи как ячейки общества, но не семейных ценностей. Сложно говорить о семейных ценностях в обществе, в котором семейное насилие превалирует над общечеловеческим ценностями и широко тиражируется в информационном пространстве. То есть должна быть выстроена качественная и системная идеологическая работа по популяризации традиционных семейных ценностей в казахстанском обществе на национальном уровне.

Вместе с тем, не может быть государственного стандарта семейных ценностей, это вопросы, которые могут регулироваться только обществом, а государство должно сосредоточиться на обеспечении прав и свобод каждого гражданина. Государство должно создавать условия, когда открыто и активно обсуждаются причинно-следственные связи. Имеется необходимость говорить о важных вещах грамотно и доступным языком, в том числе, о вреде насилия в семье или дискриминации детей из неполных семей, буллинга на этой почве. Важно понимать, что через общественный диалог можно прийти к совместным решениям для выбора наиболее оптимального пути социального развития.

Таким образом, сегодня государство должно тактично и безболезненно расширить зону собственной ответственности в сфере семейно-брачных отношений, не нарушая прав и свобод отдельной личности в целом. И в этом контексте на первый план выходит вопрос обеспечения достойных условий жизни (доходы, инфраструктура, социальные гарантии). Комфорт и безопасность в стране могут стать ключевыми индикаторами не только социокультурного развития, но и способствовать качественному усилению института семьи через эффективное информационное освещение.

Четвертое. Осознанное родительство определяется как один из основных направлений по укреплению института семьи в Казахстане, так как в стране растет количество неполных семей. В настоящее время у родителей нет четкого понимания, какие последствия для детской психики могут нести те или иные негативные действия, в том числе развод. Кроме того, растет число детей, рождающихся с физическими недугами – это один результатов неподготовленности как физической, так и психоэмоциональной со стороны родителей. Мера ответственности должна быть высокой у каждой из сторон. Половая грамотность среди молодежи должна быть качественной.

Поэтому важно, чтобы осознанное родительство объясняли на всех этапах образовательного процесса, адаптируя разъяснительную работу под возраст. Необходима разработанная, качественная, систематизированная концепция. Широкая общественная дискуссия о том, что такое осознанное родительство, может запустить необходимые механизмы. Через постоянно действующие дискуссионные площадки, ТВ программы и открыто обсуждать ценности семьи, воспитания детей, вопросы создания семьи. Требуется внимание и ответственность, как со стороны государства, так и обще-

ственных и социальных институтов.

Эксперты подчеркивают, что имеющиеся в стране инструменты реализации семейной политики как бесплатные консультации по планированию семьи и воспитанию детей, школы молодых родителей, медицинские услуги по сохранению репродуктивного и ментального здоровья следует усилить и вывести на качественно новый уровень. В этом контексте важную роль должны играть традиционные каналы информирования и социальные медиа, которые бы разъясняли важность осознанного родительства и сообщали о текущих возможностях семейного развития.

Молодое поколение является активным потребителем современных цифровых и информационных технологий, что в свою очередь, сводит водородно людей с разным мировоззрением и уровнем знаний. Этот устойчивый тренд предполагает наличие огромного потенциала в использовании социальных сетей для продвижения общих семейных ценностей с учетом региональной и национальной специфики. Ясные месседжи в различных форматах, личные примеры в жанре сторителлинга вероятно могут способствовать более широкому привлечению молодежи к общественной дискуссии о роли семьи в новых условиях социального развития. Молодым людям должно быть понятно, что сегодня нет более благородной миссии, чем борьба за тот мир, в котором все хотят жить.

Пятое. Утверждая важность и необходимость более активного участия государства в реализации семейной политики, экспертами были предложены несколько вариантов совершенствования имеющихся механизмов.

1. Обучение молодых людей психологии взаимоотношений, осознанному выбору партнеров (образовательные проекты и спецкурсы в школах, вузах).

2. Идеологическая работа по борьбе с гендерными стереотипами (девушки неосознанно стремятся выйти замуж, боясь клейма «кәрі қыз»).

3. Информационное освещение вопросов репродуктивного здоровья.

4. Продвижение месседжа о равной ответственности обоих родителей за воспитание и содержание детей.

5. Расширение практики психологической консультации молодых людей, готовящихся или испытывающих трудности в браке.

6. Создание благоприятных условий для развития и реализации личности, который будет уверен, что сможет создать лучшее будущее для своих детей.

7. Рассмотрение возможностей распространения брачных контрактов, где прописаны ответственность каждого члена семьи в соответствии с Кодексом.

Экспертные рекомендации в большей степени лежат в ценностном пространстве, что указывает на усилении «наставнической» роли государства. Однако системная работа в области семейно-брачных отношений через онлайн-платформы по продвижению идеи осознанного родительства,

улучшение условий жизни, отдельной программа развития человеческого капитала, повышение уровня образования, может в корне изменить современные социальные тренды развития и укрепить институт семьи в целом. Гражданские институты также должны понимать свою роль и ответственность за формирование такой идентификационной системы ценности, чтобы она способствовала качественному развитию нации в целом.

Выводы

Первое. Под влиянием глобальных тенденций социального и информационного развития среди современной казахстанской молодежи формируются новые паттерны семьи, которые могут в корне отличаться от традиционных представлений. Молодежь стала более мобильной, свободной от традиционных норм и устоев, хочет иметь возможность в любое время переехать, сменить страну, работу, окружение, жилье. Имеется тенденция положительного или нейтрального отношения к гражданскому браку и воспитанию детей в неполных семьях.

Второе. Развитие личностного потенциала, профессиональная реализация становятся ключевыми факторами социальной адаптации молодых людей. Семья как привычный институт социализации уходит на второй план. То есть для многих молодых жителей Казахстана в первую очередь, важно стать финансово независимым, выстроить определенную карьеру и только потом планировать создание семьи. Сегодня для них более существенного реализовать себя как личность вне зависимости от гендера или социального положения.

Третье. Осознанное родительство является одним из важнейших компонентов устойчивости и развития института семьи. В последние годы в стране растет количество семей с одним родителем, а также семей, которые воспитывают детей с особыми потребностями. В контексте развития качественного человеческого капитала социализация таких семей требует более взвешенной и продуманной политики. В среднесрочной перспективе общество может получить поколение, которое не получило должного внимания со стороны общества и государства и осталось на обочине. Насколько такое поколение будет готово продолжить следовать традиционным семейным ценностям является важным предметом исследования.

Четвертое. Государство отводится важная роль в укреплении института семьи, однако признается, что сейчас оно не оказывает существенного влияния на продвижение национальных семейных ценностей. Пока государство выступает лишь в качестве профессионального свидетеля. На базовых этапах социализации как детский сад, школа, университет участие и влияние государство несущественно. В результате оно сталкивается с такими социальными последствиями как высокий уровень разводимости, неполные семьи и психологические травмы детей – будущего поколения родителей.

Пятое. В экспертном дискурсе признается необходимость более широкого участия государства в регулировании семейно-брачных отношений, в то же время отмечается, что его функции носят ограничительный характер. Государство должно уважать права граждан, и со своей стороны способствовать созданию благоприятных условий для развития и реализации личности. Чтобы любой молодой человек мог быть уверен в том, что сможет организовать лучшее будущее для своих детей.

Шестое. В информационном поле имеется перекос в сторону публикации негативных материалов о семейных отношениях и практиках, о несоблюдении элементарных правовых основ развития личности. Бытовое насилие, буллинг, убийства детей – это ключевые темы, касающиеся семейной политики в Казахстане. В общественном дискурсе популярные ТВ передачи больше разобщают, чем продвигают традиционные семейные ценности.

Седьмое. Также имеется дефицит качественных исследований о новых трендах цивилизационного развития, в том числе о ценностных взглядах молодежи на институт семьи как базовый элемент социализации. Современная казахстанская молодежь – это свободная медиакультура. Особенность нынешнего поколения в том, что они воспитываются и обретают новые ценностные смыслы в глобальной виртуальной сети. Культурное многообразие и информационная социализация в Интернете предоставляют новые возможности для самореализации.

В целом, как отмечает казахстанский исследователь, президент ОФ «Центр социальных и политических исследований «Стратегия» Г. Илеуова, - «хорошие отношения в семье и взаимопонимание занимают первое место среди аспектов, составляющих личное счастье для жителей страны» [10]. В этой связи исследователь отмечает, что несмотря на определенные изменения в институте семьи, все же у казахстанцев есть основа, которую надо беречь и развивать. Поэтому сегодня государственные и общественные институты должны понимать необходимость открытого и широкого диалога в вопросах развития качественной семейной политики.

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта грантового финансирования молодых ученых по проекту «Жас ғалым» на 2022-2024 годы Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (номер гранта AP13268911).

Список литературы

1. Официальные статистические данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан (дата обращения: 12 мая 2023)

2. Исследование Pew Research Center «Rising Share of U.S. Adults Are Living Without a Spouse or Partner». // Электронный ресурс: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2021/10/05/rising-share-of-u-s-adults-are-living-without-a-spouse-or-partner/> (дата обращения: 15 мая 2023)
3. Исследование русской службы новостей BBC News «Поколение сампо: почему женщины в Южной Кореи не хотят детей и отношений». // Электронный ресурс: <https://www.bbc.com/russian/features-45209116> (дата обращения: 15 мая 2023)
4. S. Korea unveils steps to tackle demographic change // Электронный ресурс: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221228002700320?section=national/national> (дата обращения: 11 мая 2023)
5. Статья «Одиночество как глобальный тренд: эксперты рассказали о его причинах и плюсах». // Электронный ресурс: <https://www.metroneews.ru/novosti/world/reviews/odinochestvo-kak-globalnyy-trend-eksperty-rasskazali-o-ego-prichinah-i-plyusah-1542307/> (дата обращения: 16 мая 2023)
6. «Қазақстан жастары – 2022» ұлттық баяндамасы. = Национальный доклад «Молодежь Казахстана – 2022». = National report “Youth of Kazakhstan – 2022”. – Астана, 2022. – 384 б.
7. Экспертный опрос «Брачно-семейные и репродуктивные установки казахстанской молодежи», январь-февраль 2023 года
8. «Қазақстандық отбасылар - 2022» ұлттық баяндамасы / Ә.С. Қайдарова., Ж.С. Батталова, О.В. Николаева, Ғ.Қ. Байболатова, Б.Қ. Ермакбаева, Ә.А. Оразбаева, Т.А. Резвушкина, Қ.А. Жарова, А.Ж. Қойшығарин, Ш.Ә. Турез, Т.А. Липина, А.И. Досмухамбетова – Астана қ.: 2022. – 300 б.
9. Исследование «Многодетные семьи Казахстана: экономическое положение, возможности и их включение в повестку дня Правительства». – Нур-Султан: 2021. – 147 с.
10. Гульмира Илеуова, экспертный комментарий «О Международном дне семьи». // Электронный ресурс: <https://www.facebook.com/100001645174698/posts/pfbid0FhRjZ9dEaBLXXvi8QtZEXRy-8Fn5wxgUTteyYCFrQFUKYbV16ufqev6oAymisRYJ9l/?d=n> (дата обращения: 15 мая 2023).

References

1. Oficial'nye statisticheskie dannye Bjuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskemu planirovaniju i reformam Respubliki Kazahstan (data obrashhenija: 12 maja 2023)
2. Issledovanie Pew Research Center «Rising Share of U.S. Adults Are Living Without a Spouse or Partner». // Jelektronnyj resurs: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2021/10/05/rising-share-of-u-s-adults-are-living-without-a-spouse-or-partner/> (data obrashhenija: 15 maja 2023)
3. Issledovanie russkoj sluzhby novostej BBC News «Pokolenie sampo: pochemu zhenshhiny v Juzhnoj Koree ne hotjat detej i otnoshenij». // Jelektronnyj resurs: <https://www.bbc.com/russian/features-45209116> (data obrashhenija: 15 maja 2023)
4. S. Korea unveils steps to tackle demographic change // Jelektronnyj

resurs: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221228002700320?section=national/national> (data obrashheniya: 11 maja 2023)

5. Stat'ja «Odinochestvo kak global'nyj trend: jeksperty rasskazali o ego prichinah i pljusah». // Jelektronnyj resurs: <https://www.metronews.ru/novosti/world/reviews/odinochestvo-kak-globalnyy-trend-eksperty-rasskazali-o-ego-prichinah-i-plyusah-1542307/> (data obrashheniya: 16 maja 2023)
6. «Қазақстан zhastary – 2022» Ұлттық байандамасы. = Natsional'nyi doklad «Molodezh' Kazakhstana – 2022». = National report "Youth of Kazakhstan – 2022". – Astana, 2022. – 384 b.
7. Jekspertnyj opros «Brachno-semejnye i reproduktivnye ustanovki kazahstanskoj molodezhi», janvar'-fevral' 2023 goda
8. «Қазақстандық отбасылар - 2022» Ұлттық байандамасы / Ө.С. Қайдарова., З.С. Battalova, О.В. Nikolaeva, F.Қ. Baibolatova, B.Қ. Ermekbaeva, Ө.А. Orazbaeva, T.A. Rezvushkina, Қ.А. Zharova, A.З. Қошшығарин, Ш.Ө. Түрезов, Т.А. Lipina, A.I. Dosmukhambetova – Astana қ.: 2022. – 300 б.
9. Issledovanie «Mnogodetnye sem'i Kazakhstana: ehkonomicheskoe polozhenie, vozmozhnosti i ikh vklyuchenie v povestku dnya Pravitel'stva». – Nur-Sultan: 2021. – 147 s.
10. Gul'mira Ileuova, jekspertnyj kommentarij «O Mezhdunarodnom dne sem'i». // Jelektronnyj resurs: <https://www.facebook.com/100001645174698/posts/?d=n> (data obrashheniya: 15 maja 2023).

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНЫХ ЛИФТОВ, АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ДЛЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Меруерт Тулебаева

к.п.н., постдокторант
Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан,
e-mail: tulebayeva_mk@enu.kz

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-3.03>

Аннотация. В данной статье изучаются вопросы адаптации и интеграции сельской молодежи в обществе с использованием системы социальных лифтов. Автор рассматривает и анализирует современное положение и перспективы сельской молодежи в рамках теоретических концепций «социальных лифтов» П.Сорокина и с позиций концепции «прекариата» Г.Стэндинга. В исследовании делается заключение, что отсутствие или неэффективность социальных лифтов в условиях нарастающего неравенства и социального расслоения в обществе порождают условия для развития среди сельской молодежи маргинализации, усиления неравенства и социального напряжения. Автор делает попытку исследовать иностранный опыт социальной мобильности и определить условия, благоприятные для развития и функционирования социальных лифтов для сельской молодежи в Казахстане. Также определяются факторы, препятствующие полноценному развитию социальной мобильности среди сельской молодежи и увеличению неравенства в обществе, и меры, которые можно им противопоставить. Автором подчеркивается необходимость комплексного подхода к решению проблем сельской молодежи, снижения неравенства и скорейшего создания условий для полноценного функционирования каналов социальной мобильности, механизмов адаптации и интеграции сельской молодежи.

Ключевые слова: *сельская молодежь, социальный лифт, адаптация, интеграция, неравенство.*

**ӘЛЕУМЕТТІК ЛИФТ ЖҮЙЕСІ, АУЫЛ ЖАСТАРЫ ҮШІН
БЕЙІМДЕЛУ ЖӘНЕ ИНТЕГРАЦИЯ**

Меруерт Тулебаева

с.ғ.к., постдокторант, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық Университеті, Астана, Қазақстан, e-mail: tulebayeva_mk@enu.kz

Аңдатпа. Мақалада әлеуметтік лифт жүйесін қолдана отырып, ауыл жастарын қоғамға бейімдеу және интеграциялау мәселелері қарастырылады. Автор П. Сорокиннің "әлеуметтік лифттердің" теориялық тұжырымдамалары шеңберінде және Г. Стэндингтің "прекариат" тұжырымдамасы тұрғысынан ауыл жастарының қазіргі жағдайы мен перспективаларын қарастырып, талдайды. Зерттеу қоғамдағы өсіп келе жатқан теңсіздік пен әлеуметтік стратификация жағдайында әлеуметтік лифттердің болмауы немесе тиімсіздігі ауыл жастары арасында маргинализацияның дамуына, теңсіздік пен әлеуметтік шиеленістің күшеюіне жағдай туғызады деген қорытындыға келді. Автор әлеуметтік ұтқырлықтың шетелдік тәжірибесін зерттеуге және Қазақстандағы ауыл жастары үшін әлеуметтік лифттердің дамуы мен жұмыс істеуі үшін қолайлы жағдайларды анықтауға тырысады. Сондай-ақ ауыл жастары арасында әлеуметтік ұтқырлықтың толыққанды дамуына және қоғамдағы теңсіздіктің артуына кедергі келтіретін факторлар және оларға қарсы тұруға болатын шаралар айқындалады. Автор ауыл жастарының проблемаларын шешуге кешенді көзқарастың, теңсіздікті төмендетудің және әлеуметтік ұтқырлық арналарының толыққанды жұмыс істеуі үшін жағдай жасаудың, ауыл жастарын бейімдеу мен интеграциялау тетіктерінің қажеттілігін атап көрсетеді.

Түйінді сөздер: ауыл жастары, әлеуметтік лифт, бейімделу, интеграция, теңсіздік.

SYSTEM OF SOCIAL ELEVATORS, ADAPTATION AND INTEGRATION FOR RURAL YOUTH

Meruert Tulebayeva

Candidate of Political Sciences, postdoctoral fellow Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan, e-mail: tulebayeva_mk@enu.kz

Abstract. This article studies the issues of adaptation and integration of rural youth in society using a system of social elevators. The author examines and analyzes the current situation and prospects of rural youth within the framework of the theoretical concepts of "social elevators" by P. Sorokin and from the standpoint of the concept of "precariousness" by G. Standing. The study concludes that the absence or ineffectiveness of social elevators in conditions of growing inequality and social stratification in society creates conditions for the development of marginalization among rural youth, increasing inequality and social tension. The

author makes an attempt to explore foreign experience of social mobility and determine conditions favorable for the development and functioning of social elevators for rural youth in Kazakhstan. Factors that hinder the full development of social mobility among rural youth and increasing inequality in society, and measures that can be counteracted are also identified. The author emphasizes the need for an integrated approach to solving the problems of rural youth, reducing inequality and quickly creating conditions for the full functioning of channels of social mobility, mechanisms for adaptation and integration of rural youth

Keywords: *rural youth, social lift, adaptation, integration, inequality.*

Введение

Неравенство в доходах, социальное расслоение и растущий уровень бедности особенно сильно отражаются на сельской молодежи практически во всех регионах мира [1].

Нерешенные проблемы села и сельской молодежи приводят к росту миграционных потоков в городские агломерации и порождают трудности адаптации и интеграции сельской молодежи в городах [2].

Итогом такой миграции становятся сельские регионы со снижающимся количеством молодежи и напротив, города с растущим ее количеством.

Концентрация необустроенной сельской молодежи в городах и сопутствующие ей проблемы с безработицей, низким уровнем квалификации и образования усиливают существующие негативные процессы в городах и порождают рост маргинализации населения с сопутствующими сложностями для самой молодежи и общества в целом [2].

Не стал исключением в этом плане и Казахстан, где произошел ряд выступлений и массовых беспорядков с широким участием сельской молодежи.

Сельская молодежь с бедных городских окраин, прибывшая из регионов в крупные города страны, составила основную часть протестующих, которые в последствии совершили акты массовых беспорядков, разграбления и уничтожения чужого имущества. Вопросы и проблемы, связанные с сельской молодежью после трагических событий, стали предметом дискуссий на парламентских слушаниях, где эффективная молодежная политика была названа главным приоритетом общенациональной повестки [3].

Президент Республики Казахстан в своем выступлении после январских событий 2022 года назвал расслоение доходов и разрыв между богатыми и бедными – одной из причин трагических событий [4]. Упущения и недостатки экономической и молодежной политики проявились на деле.

Неравенство в доходах серьезно сказывается на возможностях молодежи получать качественное образование, удовлетворять свои базовые материальные потребности и трудоустраиваться или вести свою предпринимательскую деятельность [3]. Особенно это характерно для сельских регио-

нов, где отсутствуют или ограничены возможности и инфраструктура для улучшения качества жизни.

На начало 2023 года – при численности населения – 19854083 человек, общая численность молодежи (с учетом повышения возраста молодежи до 35 лет) в Республике Казахстан составила - 5 726 627 чел., из которых городская молодежь – 3560610 человек, сельская молодежь – 2 166 017 человек [5]. При этом наблюдается стабильный рост численности городского населения.

Процессы миграции сельской молодежи в города трудно контролируются и вызывают вопросы о ее дальнейшей судьбе, и перспективах городского и сельского обществ. В связи с этим возникают вопросы касательно дальнейших перспектив села, где наблюдается стабильный отток молодого населения и перспективы молодежи, мигрирующей в города.

Очевидно, что нерешенность проблем сельской молодежи в настоящем времени уже имеет сложный запущенный характер, и только усугубит ее положение в будущем. Успехи государственной политики Республики Казахстан в отдельных случаях, как предоставление большего количества образовательных грантов выпускникам сельских школ, выплата стипендий и пособий не решает проблемы в целом, а откладывает ее на срок до окончания выпускниками обучения и поиска ими работы и социальной ниши.

Таким образом, на первое место выходят вопросы адаптации и интеграции сельской молодежи в городах. Кризис социального неравенства, трудности адаптации и интеграции сельской молодежи в городской среде порождают запрос на способы повышения своего статуса и достатка, который реализуется на практике разными способами.

Одним из таких способов перехода части населения из одной социальной прослойки в другую является переход через систему вертикальных и горизонтальных социальных лифтов, иначе называемой в науке - социальной мобильностью.

Основоположник концепции «социальной мобильности» Питирим Сорокин, предлагал подходы в рамках которых предполагается переход людей из одной социальной страты в другую статусом выше или ниже - через семь так называемых социальных лифтов или каналов социальной циркуляции среди которых выделяются: армия, религия, школа, правительственные группы, политические организации и политические партии, профессиональные организации, организации по созданию материальных ценностей и семья [6].

П.Сорокин стоял на позициях, что социальные лифты могут служить одними из инструментов преодоления социального неравенства, повышения дохода, роста благосостояния и улучшения качества жизни людей [6].

Ключевыми элементами социальной мобильности отдельных индивидов или групп индивидов являются уровень дохода, социальный класс, сфера занятости.

Однако социальные лифты, как способ улучшения качества, жизни не всегда является эффективным и действенным инструментом. В отдельных случаях, значение и влияние социальных лифтов, процесса адаптации и интеграции снижается или даже становится неэффективным, поскольку социальная адаптация и интеграция сельской молодежи в городской среде становится затруднительной из-за материальной, культурной, образовательной, языковой и социально-бытовой разницы с городскими жителями [7].

Наличие образования, профессиональной квалификации или продвижение по карьере в современных условиях не гарантирует молодым людям из села качественную и адекватную интеграцию и адаптацию в городскую среду. Образование больше не является привилегией или конкурентным преимуществом, каким оно являлось сравнительно 30-40 лет назад, и когда оно существенно могло повлиять на перспективы роста социального положения индивида.

Напротив, не интегрированная и не адаптировавшаяся сельская молодежь даже с образованием и квалификацией имеет потенциал к маргинализации и люмпенизации, что является существенным риском, как для молодых людей, так и общества.

Следует понимать, что процессы урбанизации и роста миграционных потоков из села в город навряд ли получится замедлить или остановить, вероятно этого и не требуется. Однако следует обратить внимание на вопросы, которые касаются сельской молодежи. Здесь можно выделить две задачи: 1) обустройство сельской молодежи непосредственно в селах, и 2) адаптация и интеграция сельской молодежи в городах.

Причем решение обеих задач должно лежать в плоскости государственной политики поскольку решение этих задач находится на пересечении таких отраслей как развитие сельских территорий, образование, культура, здравоохранение, миграция, и других отраслей, которые имеют влияние на то, как сельская молодежь принимает решение относительно того, оставаться ли ей в селе или мигрировать в город. В данной работе мы рассматриваем именно тот аспект, который касается адаптации и интеграции сельской молодежи в городах через систему социальных лифтов.

Социальные лифты могут служить одним из инструментов государственной политики и способствовать решению задач борьбы с бедностью и повышения благосостояния сельской молодежи [8]. Нельзя рассматривать социальные лифты отдельно от процессов адаптации и интеграции, поскольку как отдельные социальные явления они уже имеются и малоэффективны.

Вовлечение государственных и общественных институтов из указанных выше семи сфер в разработку подходов к созданию и развитию социальных лифтов вместе с процессами адаптации и интеграции сельской молодежи может в долгосрочной перспективе решить ряд проблем с соци-

альным расслоением, криминализацией, переходом молодежи в деструктивные организации различного толка и повышением ее участия в общественной жизни государства.

Прежде всего для изучения проблематики исследования и выработки подходов к ее решению следует проанализировать теоретические и прикладные вопросы касающиеся ее природы, предпосылок, а также мировой опыт включая как положительный, так и отрицательный.

Методология исследования

Данное исследование изучает теоретические основания понятия «социальный лифт» в контексте адаптации и интеграции сельской молодежи в городскую среду, а также, практику и опыт отдельных стран для использования системы социальных лифтов для сельской молодежи.

Исследование рассматривает адаптацию и интеграцию сельской молодежи с помощью социальных лифтов в контексте теории «социальной мобильности» П.Сорокина и концепции «прекариата» Г.Стэндинга.

Методика исследования использует контекстный анализ первичных и вторичных литературных источников, статистические данные, государственные программы и эмпирические наблюдения.

Результаты исследования и их обсуждение

П. Сорокин стоял на убеждениях, что вертикальное восхождение индивида в рамках одного из каналов социальной циркуляции поможет повысить качество его жизни, увеличить доход и закрепиться в вышестоящей социальной страте с присущими ей привилегиями [6].

Оценочными показателями в данном случае являлись возросший уровень дохода, переход в вышестоящий социальный класс и использование благ этого класса и продвижение по службе, которые во многом были возможны при наличии образования, принадлежности к определенному классу и профессиональной квалификации. Важной характеристикой в этой модели являлась стабильность занятости и относительная предсказуемость карьеры.

Однако, изменение форм труда, международное разделение труда, глобализация и развитие интернета обусловило снижение эффективности социальных лифтов. Вместе с тем, размытие границ социальных классов, большая доступность образования и повышение уровня доходов обусловили быстрый переход людей из одной социальной прослойки в другую без существенного изменения социального положения индивида в обществе.

Изменились и условия труда, на смену труду в одной организации или профессии пришли частая смена как мест работы, так и профессий. Характерной чертой современных условий труда стало непостоянство и неопределенность занятости и доходов [1]. Это утверждение справедливо как для городской молодежи, так и для сельской.

Иными словами, модель социальных лифтов по П.Сорокину, которая базировалась на идее, что использование одного из социальных лифтов поможет индивиду прогнозируемо повысить качество жизни, в современных реалиях является не безусловной и часто нерабочей.

Гай Стэндинг приводит аргументы, что наличие образования, навыков и профессиональной квалификации при сложившихся современных условиях неопределенности напротив ведет к иному результату – образованию нового класса, так называемых класса «прекариатов» (от англ. Precarious – ненадежный, неустойчивый, нестабильный) [9].

Прекариаты определяются как новый, только формирующийся класс, характерной чертой которого является неопределенность и нестабильность, выражающаяся в отсутствии стабильной работы, социальных гарантий, статуса, социальных связей и профессиональной идентификации. Временный характер работы не дает индивиду социализироваться и интегрироваться ни в профессию, ни в коллектив, ни ощущать свою причастность к обществу [9].

Г.Стэндинг предупреждает, что класс прекариатов является опасным классом общества и ожидает от него серьезных потрясений в будущем. Нестабильность положения прекариатов вызывает у его представителей ощущение недовольства, утраты ориентиров, беспокойство и отчуждение, которые, как прогнозирует Г.Стэндинг приведут вместе с политической неагажированностью к поддержке популистских, часто крайних политических и экстремистских идей и политических движений на подобие неонацистских организаций. Здесь можно добавить и рекрутинг в деструктивные экстремистские религиозные организации.

Неопределенность и нестабильность делают класс прекариатов уязвимыми для идей, которые обещают им облегчение жизни, избавление от угроз и наказание виновных, чем охотно пользуются популисты, авторитарные режимы и неонацисты [9]. Все это является условием для их социального недовольства и бунта.

Институт социальных лифтов в таких условиях однозначно переживает свой кризис. Ранее представлялось, что социальные лифты являются одним из безопасных и предсказуемых инструментов улучшения качества жизни молодежи, а теперь даже получение образования высокого качества ничего не гарантирует его получателям.

Другие каналы социальной циркуляции не всегда отвечают потребностям сельской молодежи либо не представляют для нее интереса. Служба в армии сопряжена с лишениями и тяготами воинской службы, не высоко оплачивается и поэтому не привлекает молодежь. Кроме того, этот институт нацелен именно на мужчин и не подходит женщинам. Также это касается таких сфер как религия, правительственных групп, политических партий и профессиональных организаций, доступ в которые не всегда дает желаемые результаты и удовлетворяет требованиям улучшения качества жизни.

Требования рынка труда идут вразрез с желаниями соискателей вакансий, когда имеющаяся квалификация, образование и опыт несопоставимы с желаемыми требованиями оплаты труда и условиями труда, что влечет размытие профессиональных и ценностных ориентиров [10].

Молодежь, получившая высшее образование поставлена перед выбором: трудиться на низко оплачиваемой работе по полученной специальности с базовыми социальными гарантиями, либо трудиться в иной сфере, на непостоянной работе не требующей серьезной квалификации, но лучше оплачиваемой и без каких-либо социальных гарантий. Примерами такой занятости могут служить водители такси, мастера маникюра, доставщики еды и другие виды занятости, где работники обладают высшим образованием или даже научной степенью, но предпочитают именно низкоквалифицированную и нестабильную работу без каких-либо гарантий и поддержки.

Кроме того, отдельные достижения по переходу индивидов в вышестоящую страту могут нивелироваться коррупцией, трайбализмом или устойчивыми убеждениями, царящими в этой страте. Примерами негативного опыта могут быть требование взятки для занятия вышестоящей должности или сохранения текущей должности, или продвижение по карьере представителей только одной социальной группы (этнической, языковой, родоплеменной и другие).

Картина сегодняшнего дня для сельской молодежи выглядит следующим образом. Конфликт между запросами сельской молодежи и тем уровнем благ, который они могут себе позволить в селе, сильно отличается и толкает их на удовлетворение своих запросов в город. Отсутствие перспектив трудоустройства в селе, инфраструктуры, культурно-развлекательной сферы, низкие заработные платы и коррупция не оставляют для сельской молодежи выбора, кроме как переехать в город и попытаться остаться там, несмотря на существенные трудности с занятостью и жильем. При этом сельская молодежь уже на начальном этапе испытывает на себе колоссальный разрыв в сфере образования, это и кадровый голод сельских школ, недостаточная инфраструктура и слабое материально-техническое обеспечение [8].

Крупнейшие города страны как Астана, Алматы и Шымкент концентрируя в себе пул высших учебных заведений и являясь центрами экономической активности, становятся магнитом для сельской молодежи из регионов. Кроме того, областные центры также являются центрами притяжения для сельской молодежи, но в меньшей степени.

Естественно, адаптация и интеграция для сельской молодежи в городе требует наличия занятости (обучение или работа), жилья (наемное или собственное), средств к существованию (стипендия или заработная плата) и коммуникации с городским населением.

Если часть требований на первых порах удовлетворяется за счет об-

разовательных грантов, предоставляемых общежитий и стипендий, то позднее для сельской молодежи приходится решать более существенные и глубокие вопросы. Завершение обучения в высших учебных заведениях порождает для выпускников проблему трудоустройства. Наличие образования и профессиональной квалификации в целом не гарантирует трудоустройство и дальнейший карьерный рост, что характерно как для сельской, так и для городской молодежи.

Городская молодежь по сравнению с сельской молодежью находится в более благоприятных условиях, что вполне объяснимо доступом к более качественному школьному и дополнительному образованию, медицинскому обслуживанию, наличию жилья у родителей в городе, адаптированностью к проживанию в городской среде, большему доходу родителей и широкому доступу к современным компьютерным технологиям и интернету [8].

Сельская молодежь, испытывая ранее отмеченные факторы, к моменту окончания обучения, дополнительно сталкивается с острой конкуренцией за рабочие места с желаемой заработной платой и априори находится в более проигрышной позиции по сравнению с городской молодежью, чья интегрированность в городское сообщество выше, а неформальные связи их семей значительно помогают в трудоустройстве, на что не может рассчитывать сельская молодежь в городе. При этом социальный лифт в виде образования не действует.

Необустроенная сельская молодежь в таком случае вынуждена идти путем наименьшего сопротивления и участвовать в неформальной, временной и непостоянной занятости, и пополнять ряды прекариатов, о чем писал Г.Стэндинг [9]. Та часть сельской молодежи, которая не смогла трудоустроиться ни по образованию, ни пополнить класс прекариатов, в дальнейшем вынуждена либо вернуться в село, либо спуститься в городе в более низкие социальные классы.

Растущее неравенство в доходах и социальное расслоение представляют собой потенциальную угрозу для роста преступности среди таких молодых людей, маргинализации молодежи, перехода экономики в теневую сферу и сопутствующие проблемы, которые ограничивают или останавливают развитие общества и государства [2].

При этом для сельской молодежи важна именно восходящая вертикальная мобильность, а не горизонтальный переход, который оставит их в прежних условиях и не позволит вырваться из неравенства.

Отдельные институты общества возлагают на социальные лифты надежды на улучшение положения молодежи, однако даже при наличии государственной поддержки воспользоваться такими каналами социальной мобильности сможет в основном только та часть молодежи, которая более интегрирована именно в городскую среду с доступом к информации, неформальным социальным связям и полезно активной деятельности, что отсутствует в сельской местности. Вместе с тем, традиционный уклад

жизни в сельской местности не оставляет возможности для полноценной подготовки и участия в социальной мобильности.

Поскольку данная проблематика недостаточно изучена в отечественной науке, то возможно обратиться к иностранному опыту. Опыт развитых иностранных государств в построении эффективных социальных лифтов, адаптации и интеграции сельской молодежи следует изучать и применять для решения подобных задач.

Одними из авторитетных организаций, исследовавших феномен социальной мобильности, являются Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Всемирный экономический форум (ВЭФ) в Давосе.

Рейтинг Глобального индекса социальной мобильности в докладе ВЭФ в Давосе позволяет наглядно оценить попытки стран выстраивать свои системы социальных лифтов. Согласно докладу ВЭФ 2020 года, Казахстан в рейтинге Глобального индекса социальной мобильности (The Global Social Mobility Report 2020 Equality, Opportunity and a New Economic Imperative) занимает 38 место из 82 стран, что в целом можно оценивать положительно [12].

Если обратиться к лидерам рейтинга, то ими оказываются все пять стран Северной Европы: Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция и Исландия, чьи показатели не значительно отличаются друг от друга и имеют традиционно высокий уровень Индекса человеческого развития (ИЧР) [13].

Для названных стран характерна широкая социальная поддержка населения, плоская шкала заработной платы, конкурентная среда [12].

Представляет интерес, что все страны сравнивались по 10 критериям, и страны Северной Европы имеют самые высокие показатели в здравоохранении, доступе к образованию и его качеству, доступе к технологиям, справедливому вознаграждению за труд, условиям труда, социальной защите и инклюзивным институтам [12].

Вместе с тем конкурентоспособность экономики, обеспечение гражданских свобод и демократической формы правления, высокий уровень качества жизни и совершенно низкие показатели коррупции также характерны для этих стран лидеров рейтинга.

П.Сорокин указывал, что одним из условий эффективного создания и функционирования социальных лифтов является открытость и готовность общества и государственных институтов для такого перемещения, что более характерно для обществ с демократической формой правления [6].

Действительно, все пять стран возглавляют рейтинг Индекса демократии (Democracy Index) [14]. Видится, что честные выборы, подотчетность, открытость, прозрачность и другие элементы демократии играют важную роль в повышении качества жизни.

Изучение значений рейтинга для Казахстана позволяет сделать вывод, что Казахстан занимая 38 место из 82 стран, испытывает сложности с ин-

клюдивными институтами (63 место), здравоохранением (53 место), доступом к технологиям (51 место), непрерывным образованием и социальной защитой (43 место) [12].

Имея очень низкие показатели по инклюдивным институтам, а это индекс восприятия коррупции (74 место), эффективность государственных услуг (54), инклюдивность институтов (70 место), политическая стабильность и защита от насилия (49 место) – Казахстану необходимо сконцентрировать усилия на этих направлениях.

Заимствование, копирование или адаптация отдельных механизмов социальных лифтов успешных стран вероятно будет малоэффективной мерой поскольку социальные лифты в странах лидеров интегрированы в демократические условия и наврядли будут работать недемократических условиях.

Коррупционная составляющая будет оказывать самое сильное воздействие на возможности сельской молодежи снизить разрыв в доходах, качестве жизни и самое главное в возможностях для преодоления неравенства и повышения качества своей жизни.

Проблема социальных лифтов для сельской молодежи и их адаптация и интеграция – это большой комплекс вопросов, который нужно решать на разных направлениях.

Неравенство – ключевая проблема сельской молодежи, которая прежде всего сказывается на неравенстве возможностей и прежде всего в образовании.

Разрыв равенства возможностей на этапе среднего образования с течением времени только нарастает и усиливает другие виды неравенства, которые в конечном итоге приводят в ловушку «липких полов» или «липких потолков» [15].

«Липкие полы» – термин, обозначающий в зарубежной литературе условия, препятствующие восхождению по социальной лестнице (лифту) – низкие доходы семьи, слабое здоровье родителей, недостаточный уровень образованности родителей, ухудшение условий труда и занятости.

«Липкие потолки» – условия, при которых дети из более обеспеченных семей с более лучшим образованием, повторяют путь своих родителей и застревают на том же уровне, что и их родители, достигая потолка своих возможностей и не могут продолжить восходить по вертикали.

В конечном счете, оба этих явления приводят к тому, что индивид останавливается и не может улучшить свое положение подвергая себя переходу в класс прекариатов с вытекающими последствиями.

Понятно, что задача улучшения условий жизни сельской молодежи вопрос многих лет работы, однако первые шаги в этом направлении уже можно сделать в сфере неформальной (временной или непостоянной) занятости и заложить фундамент в основание будущих мер по решению комплекса проблем.

Доклад экспертов ПРООН видит пути решения проблем с неформальной занятостью и социальной незащищенностью в механизме адаптации не только самой молодежи или получателей такой помощи, но и институтов государственной власти и общества к меняющимся условиям. Так, предлагается лицам занятым в неформальном труде осуществлять защиту своих прав через механизмы коллективного представительства и взаимной помощи, что действительно может помочь облегчить ситуацию, тем более, когда прецеденты уже имеются – собрания и выступления водителей такси и большегрузных автомобилей, работников сферы доставки пищи и другие [13].

Программные документы в сфере работы с молодежью как Государственная молодежная политика или Национальный доклад «Молодежь Казахстана» ставят в качестве целей обеспечение молодых людей качественным образованием, социальной поддержкой и трудоустройством, что логично, однако при этом отсутствует долгосрочная стратегия адаптации и интеграции сельской молодежи.

Сельская молодежь оставлена без значительного внимания со стороны государственных и общественных институтов, и вынуждена преодолевать все сложности сама, при этом вектор ее движения не определен. Поэтому роль социальных лифтов, адаптация и интеграция сельской молодежи крайне важный вопрос для будущего страны и общества.

Заключение

Сельская молодежь является значимым фактором для общественной жизни и государственной политики являясь целым классом людей со своими целями, задачами, проблемами и рисками.

Современные вызовы сельской молодежи требуют адекватных и своевременных решений как со стороны общества, так и государства. Любое затягивание решений ее проблем чревато социальной нестабильностью в самом недалеком будущем с негативным прогнозом и для села, и для города. Поэтому, задачей общества и его институтов является разработка системы поддержки и защиты сельской молодежи, ее адаптации и интеграции в современных условиях и решение ее основных проблем.

На современном этапе сельская молодежь переживает проблемы и трудности как села, так и города, находясь в положении, когда она несет проблемы села в город и в городе встречается с проблемами города.

Пути решения проблем сельской молодежи такие как вопросы занятости, роста доходов, снижения социального расслоения, разрыва неравенства, проблемы села и роста урбанизации лежат на стыке ряда смежных областей знаний и поэтому необходим системный подход к их решению. Система социальных лифтов вполне может стать одним из эффективных способов решения части проблем сельской молодежи.

В настоящее время видится, что каждый из вопросов решается отдель-

но и теми способами, и средствами, которые закладывают предпосылки того, что проблемы сельской молодежи останутся нерешенными.

Огромные бюджетные траты на финансирование высшего и среднего специального образования с одной стороны дают возможность молодым людям приобрести образование и квалификацию, с другой стороны, рынок труда который не может удовлетворить запросы всех соискателей, с третьей стороны молодежь, у которой свои запросы и требования к качеству жизни.

Наслоение требований каждой стороны, нерешенные проблемы ведут в целом к тому, что большая часть сельской молодежи оказывается невос- требованной ни в селе, ни в городе и вынуждена обращаться к той форме занятости, которая легко доступна и непостоянна, и при этом не дает никаких социальных гарантий и льгот. При этом среди молодежи наблюдается рост иждивенческих настроений, переход к классу прекариатов и отсутствие адекватных механизмов регулирования таких процессов.

Противоречия современной модели общественных отношений выражаются часто в разнонаправленных векторах желаний всех ее участников. Необходимы точки соприкосновения интересов всех сторон. Игнорирование интересов любого из субъектов недопустимо.

Любые меры поддержки сельской молодежи должны быть направлены на создание равных возможностей и для мужчин, и для женщин. Создание равных возможностей нужно начинать именно в системе среднего образования, оказания качественных медицинских услуг и социальной поддержке нуждающимся категориям населения в селе.

Параллельно необходима последовательная работа по созданию инфраструктуры для сельской молодежи, как в селах, так и в городах включающую возможность для получения дополнительного образования, доступа к компьютерной технике и сети интернет, участия в обмене опытом и проектах, где молодежь могла бы применить свои знания и навыки, в том числе в волонтерском движении.

Инициативы по включению молодежи в государственный и властный аппарат необходимо расширять и на сельскую молодежь подключая их к участию в решении их судьбы и получению управленческого опыта.

В целом необходимы детальные исследования вопроса о социальных лифтах для сельской молодежи, ее адаптации и интеграции в городскую среду. Выявление и анализ ключевых процессов, связанных с явлениями социальной мобильности сельской молодежи, следует рассматривать в контексте государственной политики и мер, способствующих помощи молодежи.

Применительно к Казахстану, в целом деятельность сельской молодежи возможна в двух направлениях: оставаться в селе и быть занятой в сферах деятельности представленных в сельской местности или мигрировать в городскую среду при этом пытаясь адаптироваться и интегрироваться в эту новую среду. В обоих случаях необходима поддержка государства.

В первом случае поддержка должна выражаться в мерах стимулирования удержания и возвращения молодежи в село, развития сельского хозяйства и инфраструктуры, создании рабочих мест, а также создании больших возможностей в сфере среднего и дополнительного образования для скорейшего сокращения разрыва между учащимися городских и сельских школ.

Во втором случае необходимы меры по изучению рынка труда, адаптации образовательных программ к потребностям рынка труда, выявлению ключевых процессов влияющих на занятость населения в долгосрочной перспективе, развитие подходов к профессиональной ориентации абитуриентов, заблаговременной подготовке выпускников высших учебных заведений к поиску работы и привитие устойчивых навыков долгосрочного обучения (lifelong learning).

Касательно сельской молодежи, которая уже является необустроенной в городах, то требуются меры по дополнительному ее обучению и переквалификации в соответствии с требованиями рынка труда, защите интересов и прав лиц в сфере неформальной занятости через упомянутые механизмы представительства, а также социальной защищенности в том числе предоставление медицинских услуг и медицинское страхование.

В целом успех использования социальных лифтов, мер адаптации и интеграции сельской молодежи в городе всецело зависит от политических реформ и условий направленных на обеспечение выборности власти, ее подотчетности, прозрачности управленческих решений, снижение коррупции и установление независимости судов. Только такие комплексные меры могут остановить отток молодежи из сел, ее миграцию в города, повысить доходы населения, сократить неравенство как доходов, так и возможностях.

По сути, любой канал социальной мобильности — это расширение или сужение возможностей, поэтому в повестке дня заинтересованных лиц и институтов должна быть борьба за расширение прежде всего возможностей для сельской молодежи.

Данное исследование финансировалось Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН №AP15473328).

Список источников

1. Неравенство и сфера труда. Международная конференция труда 109-я сессия, 2021г. Международная организация труда МОТ. ILC/109/Report IV (Rev.) Доклад IV. Международное бюро труда, Женева // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/-ed_norm/-/-relconf/documents/meetingdocument/wcms_792165.pdf
2. Махмутова М. Внутренняя миграция молодежи в Казахстане: на примере г.Алматы. Центр анализа общественных проблем

// URL: https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2013/02/internal_migration_of_young_people_in_kazakhstan.pdf

3. Ашимбаев: Январские события показали всю остроту проблем молодежи // URL: <https://turantimes.kz/ekonomika/34922-ashimbaev-janvarskie-sobytiya-pokazali-vsju-ostrotu-problem-molodezhi.html>
4. Разрыв между богатыми и бедными достиг недопустимого уровня – Токаев // URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/razryiv-bogatyimi-bednymi-dostig-nedopustimogo-urovnya-459819/
5. Численность населения. Демографическая статистика // URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/dynamic-tables/>
6. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с. ISBN 5-250-01297-3.
7. Олейниченко Н.Я. Социальное неравенство в представлениях студенческой молодежи (на материалах эмпирического исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2017. №11 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-v-predstavleniyah-studencheskoy-molodezhi-na-materialah-empiricheskogo-issledovaniya-1>
8. «Қазақстан жастары – 2022» ұлттық баяндамасы. = Национальный доклад «Молодежь Казахстана – 2022». = National report “Youth of Kazakhstan - 2022”. – Астана, 2022. – 384 с. Научно-исследовательский центр «Молодежь». ISBN 978-601-7857-58-5 // URL: <https://eljastary.kz/ru/reports/18912/>
9. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с. ISBN 978-5-91103-209-8.
10. Садыков Р.М. Актуальные проблемы села и политика в сфере занятости сельской молодежи // Вестник ЧелГУ. 2010. №20 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-sela-i-politika-v-sfere-zanyatosti-selskoy-molodezhi>
11. Родригес-Позе А., Барталуччи Ф. Республика Казахстан: Совместная программа Правительства Казахстана и Азиатского банка развития по обмену знаниями и опытом, Фаза 4 Исследование регионального неравенства в Казахстане. Отчет консультанта по технической помощи // URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/project-documents/54093/54093-001-tacr-ru.pdf>
12. The global social mobility report 2020. Equality, opportunity and a new economic imperative. World economic forum, 2020 // URL: https://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf
13. Доклад о человеческом развитии за 2021-2022гг. Времена неопределенности, неустроенные жизни. Наше будущее в меняющемся мире. Программа развития Организации Объединенных Наций, 2022 // URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22rupdf.pdf>
14. Democracy index 2022. Frontline democracy and the battle for Ukraine. Economist intelligence unit // URL: https://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/DI-final-version-report.pdf?mkt_tok=NzUzLVJJUS00MzgAAAGMYTG77JtFYbSUa7hyErTJw6pG4AveBrfhbYcaZQnwicif7MyleqllGzqJUCaA8rwW5NH3vvJLYqQ023BYs38PjDiB2_dm6DpKNvWXRlNuZyCIKg
15. OECD. A broken social elevator? How to promote social mobility. 2018 // URL: <https://www.oecd.org/social/soc/Social-mobility-2018-Overview-MainFindings.pdf>

References

1. Neravenstvo i sfera truda. Mezhdunarodnaja konferencija truda 109-ja sessija, 2021g. Mezhdunarodnaja organizacija truda MOT. ILC/109/ Report IV (Rev.) Doklad IV. Mezhdunarodnoe bjuro truda, Zheneva // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_792165.pdf
2. Mahmutova M. Vnutrennjaja migracija molodezhi v Kazahstane: na primere g.Almaty. Centr analiza obshhestvennyh problem // URL: https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2013/02/internal_migration_of_young_people_in_kazakhstan.pdf
3. Ashimbaev: Janvarskie sobytija pokazali vsju ostrotu problem molodezhi // URL: <https://turantimes.kz/ekonomika/34922-ashimbaev-janvarskie-sobytiya-pokazali-vsju-ostrotu-problem-molodezhi.html>
4. Razryv mezhdu bogatymi i bednymi dostig nedopustimogo urovnja – Tokaev // URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/razryiv-bogatymi-bednymi-dostig-nedopustimogo-urovnya-459819/
5. Chislennost' naselenija. Demograficheskaja statistika // URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/dynamic-tables/>
6. Sorokin P.A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo / Obshh. red., sost. i predisl. A.Ju. Sogomonov: Per. s angl. – M.: Politizdat, 1992. -543 s. ISBN 5-250-01297-3.
7. Olejnichenko N.Ja. Social'noe neravenstvo v predstavlenijah studencheskoj molodezhi (na materialah jempiricheskogo issledovanija) // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2017. №11 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-v-predstavlenijah-studencheskoj-molodezhi-na-materialah-empiricheskogo-issledovaniya-1>
8. «Qazaqstan zhastary – 2022» ulttyq bajandamasy. = Nacional'nyj doklad «Molodezh' Kazahstana – 2022». = National report “Youth of Kazakhstan - 2022”. – Astana, 2022. – 384 s. Nauchno-issledovatel'skij centr «Molodezh'». ISBN 978-601-7857-58-5 // URL:
9. Standing G. Precariat: a new dangerous class. – M.: Ad Marginem Press, 2014. – 328 p. ISBN 978-5-91103-209-8.
10. Sadykov R.M. Current problems of the village and policy in the field of employment of rural youth // Bulletin of ChelSU. 2010. No. 20 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-sela-i-politika-v-sfere-zanyatosti-selskoy-molodezhi>
11. Rodriguez-Pose A., Bartalucci F. Republic of Kazakhstan: Joint program of the Government of Kazakhstan and the Asian Development Bank for the exchange of knowledge and experience, Phase 4 Study of regional inequality in Kazakhstan. Technical Assistance Consultant Report // URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/project-documents/54093/54093-001-tacr-ru.pdf>
12. The global social mobility report 2020. Equality, opportunity and a new economic imperative. World economic forum, 2020 // URL: https://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf
13. Human Development Report 2021-2022. Times of uncertainty, unsettled lives. Our future in a changing world. United Nations Development Program, 2022 // URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22rupdf.pdf>

14. Democracy index 2022. Frontline democracy and the battle for Ukraine. Economist intelligence unit // URL: https://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/DI-final-version-report.pdf?mkt_tok=NzUzLVJJUS00MzgAAAGMYTG77JtFYbSUa7hyErTJw6pG4AveBrfhbYcaZQnwicif7MyleqllGZqJUCaA8rwW5NH3vvJLYqQ023BYs38PjDIB2_dm6DpKNvWXRLnuZyCIKg
15. OECD. A broken social elevator? How to promote social mobility. 2018 // URL: <https://www.oecd.org/social/soc/Social-mobility-2018-Overview-MainFindings.pdf>

SOCIALIZATION THROUGH INTERNATIONAL INSTITUTIONS? DECODING CHINA'S VIEWS ON INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS SINCE ITS WTO ACCESSION

Yue Lu

PhD Candidate in Politics and International Studies,
The Department of Public and International Affairs, City
University of Hong Kong, Hong Kong, China
e-mail: yuelu28-c@my.cityu.edu.hk

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-3.04>

Abstract. Constructivism in the studies of international relations (IR) posits that international institutions have the power to induce a state's socialization into the norms and rules enshrined in these institutions. The study puts this hypothesis to an empirical test by analyzing China's views on intellectual property rights (IPR) since its WTO (World Trade Organization) accession in 2001. The article examines relevant People's Daily commentary articles published from 2001 to 2022 using Structural Topic Model (STM) and domestic scholarly debates. The study identifies four prevalent themes, including IPRs and international competition, strengthening IPR protection, developing indigenous IPRs, and achievements and barriers in IPR development. It finds that although China has increasingly realized the importance of IPRs, China's views on IPRs are predominantly oriented toward a realpolitik discourse on leveraging IPRs to enhance China's overall national power in international competition. While socialization is at best subordinate to China's domestic interests in shaping China's views on IPRs, as the country's worldview acts as a strong mediating force between international ideas and China's views on IPRs.

Keywords: *international institutions, socialization, WTO, China, intellectual property rights.*

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНСТИТУТЫ?
РАСШИФРОВКА ВЗГЛЯДОВ КИТАЯ НА ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПОСЛЕ ЕГО ВСТУПЛЕНИЯ В WTO

Юэ Лу

Кандидат политических наук и международных исследований, факультет общественных и международных отношений, Городской университет Гонконга, Гонконг, Китай, e-mail: yuelu28-c@my.cityu.edu.hk

Аннотация. Конструктивизм в исследованиях международных отношений (IR) утверждает, что международные институты обладают властью побуждать государство к социализации в соответствии с нормами и правилами, закрепленными в этих институтах. Исследование подвергает эту гипотезу эмпирической проверке путем анализа взглядов Китая на права интеллектуальной собственности (IPR) с момента его вступления в ВТО (Всемирную торговую организацию) в 2001 году. В статье рассматриваются соответствующие статьи People's Daily commentary, опубликованные с 2001 по 2022 год, с использованием структурной тематической модели (STM) и отечественных научных дискуссий. В исследовании определены четыре основные темы, включая права интеллектуальной собственности и международную конкуренцию, усиление защиты прав интеллектуальной собственности, развитие прав коренных народов, а также достижения и барьеры в развитии прав интеллектуальной собственности. В нем отмечается, что, хотя Китай все больше осознает важность прав интеллектуальной собственности, взгляды Китая на права интеллектуальной собственности преимущественно ориентированы на реальный политический дискурс об использовании прав интеллектуальной собственности для усиления общей национальной мощи Китая в международной конкуренции. В то время как социализация в лучшем случае подчинена внутренним интересам Китая в формировании взглядов Китая на IPR, поскольку мировоззрение страны выступает в качестве мощной посреднической силы между международными идеями и взглядами Китая на IPR.

Ключевые слова: международные институты, социализация, ВТО, Китай, права интеллектуальной собственности.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ИНСТИТУТТАР АРҚЫЛЫ ӘЛЕУМЕТ-ТЕНДІРУ? ДСҰ-ға КІРГЕННЕН KEЙІН ҚЫТАЙДЫҢ ЗИЯТКЕРЛІК МЕНШІК ҚҰҚЫҚТАРЫ ТУРАЛЫ КӨЗҚАРАСТАРЫНЫҢ МАҒЫНАСЫН АШУ

Юэ Лу

Саяси ғылымдар және халықаралық зерттеулер кандидаты, қоғамдық және халықаралық қатынастар факультеті, Гонконг қалалық университеті, Гонконг, Қытай, e-mail: yuelu28-c@my.cityu.edu.hk

Аңдатпа. Халықаралық қатынастарды зерттеудегі Конструктивизм (IR) халықаралық институттар мемлекетті осы институттарда бекітілген

нормалар мен ережелерге сәйкес әлеуметтенуге итермелейтін күшке ие деп санайды. Зерттеу бұл гипотезаны 2001 жылы ДСҰ-ға (Дүниежүзілік сауда ұйымы) кіргеннен бері Қытайдың зияткерлік меншік құқығы (IPR) туралы көзқарастарын талдау арқылы эмпирикалық сынақтан өткізеді. Мақалада құрылымдық тақырыптық модельді (STM) және отандық ғылыми пікірталастарды қолдана отырып, 2001 жылдан 2022 жылға дейін жарияланған People's Daily commentary мақалалары қарастырылады. Зерттеу зияткерлік меншік құқығы мен халықаралық бәсекелестікті, зияткерлік меншік құқығын қорғауды күшейтуді, жергілікті құқықтарды дамытуды және зияткерлік меншік құқығын дамытудағы жетістіктер мен кедергілерді қоса алғанда, төрт негізгі тақырыпты анықтайды. Қытай зияткерлік меншік құқықтарының маңыздылығын көбірек түсінгенімен, Қытайдың зияткерлік меншік құқықтарына деген көзқарастары негізінен халықаралық бәсекелестікте Қытайдың жалпы ұлттық қуатын арттыру үшін зияткерлік меншік құқықтарын пайдалану туралы нақты саяси дискурсқа бағытталғанын атап өтті. Әлеуметтену ең жақсы жағдайда Қытайдың IPR-ге деген көзқарасын қалыптастырудағы ішкі мүдделеріне бағынады, өйткені елдің дүниетанымы халықаралық идеялар мен Қытайдың IPR-ге деген көзқарастары арасындағы күшті делдалдық күш ретінде әрекет етеді.

Түйін сөздер: халықаралық институттар, әлеуметтену, ДСҰ, Қытай, зияткерлік меншік құқығы.

Introduction

China is now the world's leading national source of IPR applications. According to the World Intellectual Property Organization (WIPO) [1, p. 7], China ranks first in the world in 2021 in applications of five major types of IPRs, including patents, utility models, trademarks, industrial designs, and plant varieties. However, underlying the status is the fact that China has long been a target of international criticism, especially from the West, for inadequate IPR protection. A 2022 report by the European Union Intellectual Property Office [2, p. 29], for example, reveals that China remains the largest provenance of suspected IPR-infringing goods seized at the European Union borders in 2021, accounting for around 70% of the total seizures.

As a member of the WTO, China “shall accord to the nationals of other Members treatment no less favourable than that it accords to its own nationals with regard to the protection of intellectual property” [3] as required by the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS). Despite over two decades of WTO membership and numerous domestic adjustments, the status of IPR protection in China is viewed as concerning by international investors and IPR holders.

Then, does China's engagement in the WTO engender China's socialization into the rules of the WTO TRIPS regime? Studies [4] [5] [6] [7] on China's

relations with the WTO in IR literature have pointed to the ambivalent role of socialization in China's engagement in the WTO. The ambiguity of the power of socialization leans support to a rationalist explanation of China's integration into the WTO. As Zhang (2003) argued, China's selective internalization of WTO rules is mainly dictated by strategic and instrumental considerations. However, what is it that socially nourishes China's rational approach to the internalization of the rules of the WTO?

Given the contradiction between China's emergence as a global "IPR great power" and its debatable record of IPR protection, the study believes that a fuller understanding of China's relations with the WTO TRIPS regime requires an investigation into the Chinese government's official discourse on IPR institutions, as the state is the strong gatekeeper between international social influence and domestic internalization. In other words, it aims to understand what it is that underpins the Chinese government's thinking on IPR institutions in order clarify the role of socialization in drawing China into the TRIPS regime.

The following discussion first embeds the analysis in the theoretical literature on socialization through international institutions. To scrutinize the role of socialization in China's relations with the WTO TRIPS regime, the study relies on commentary articles from People's Daily, the official newspaper of the Communist Party of China (CPC), and established a STM to unearth the specific meanings attached to IPRs. It finds that the most discussed theme is oriented toward a realpolitik discourse that conceptualizes IPRs as a tool for international competition. Related to IPRs and international competition is the theme on developing indigenous IPRs that bolsters China's international competitiveness. The two remaining themes respectively deal with strengthening IPR protection and achievements and barriers in IPR development. The remainder of the analysis details the four themes prevalent since China's WTO accession in 2001. The study concludes with a summary of the findings and a suggestion that international ideas are unlikely to socialize China further into the TRIPS regime, as the realpolitik interpretation of IPRs leaves little room for accommodating socialization.

Socialization and International Institutions

In IR literature, the process of a state being socialized into international ideas is defined as "the process by which states internalize norms originating elsewhere in the international system" [8, p. 417]. Internalization is a normative, political, and institutional three-stage process [8, p. 418–420]. State officials first change their personal beliefs; socialized officials try to persuade other domestic actors to comply with international expectations through a process of bureaucratic politics. At the deepest level, the state institutionalizes norms by creating corresponding legislations, establishing bureaucratic actors to enforce them, and spreading norms to the entire polity and society. For socialization to occur, international institutions are presumed to be a social environment conducive to

the transmission of international ideas to state officials and to the domestic realm. This is because “it is in institutions where the interaction of activists, so-called norm entrepreneurs, is most likely, and where social conformity pressures are most concentrated” [9, p. 508].

The assumed causal link between international institutions and actors’ socialization into the norms and rules of these institutions is widely examined in IR literature. Notably, studies [10] [11] [12] on European politics have identified divergent socialization effects of international institutions on both unitary states and agents operating inside international institutions. However, the socialization of a rising great power such as China is a rather different case from European socialization, as the latter takes place in a highly normative and institutionalized environment. As suggested by Kent [13, p. 358], although China, like most states, participates in international organizations to promote its interests, it also demonstrates an inclination to redefine those interests, to pragmatically accept costs, and to renegotiate its sovereignty. The country’s readiness to accept manifold costs of socialization is usually balanced against four major concerns, including sovereignty, the difficulty of implementing domestic legislation in compliance with international obligations, the tendency to free ride, and the preference for consensual and bilateral agreements [13, p. 358–359]. Nevertheless, when given proper incentives, China is willing to take ideas from international institutions. As Johnston’s [14] research on China’s socialization into global security regimes showed, Chinese leaders’ adoption cooperative and potentially self-constraining commitments between 1980 and 2000 is explained by three microprocesses of socialization—mimicking, social influence, and persuasion, through which Chinese officials socialized inside international institutions brought international ideas back to the domestic arena and triggered domestic internalization.

Data and Methods

The foregoing review suggests that when given proper incentives, China, though having complex motives, is open to socialization through international institutions. To test the socialization premise and uncover the Chinese government’s thinking on IPR institutions, the study investigates China’s official discourse on IPRs from 2001 to 2022. The approach rests on the presumption that if socialized Chinese officials successfully activate domestic internalization, one is to observe relevant pro-social traces in China’s official discourse.

People’s Daily is underscored as the primary source of information representative of China’s views. People’s Daily is the most authoritative official newspaper of the CPC. The articles from People’s Daily were collected from People’s Daily Commentary Article Repository of the People’s Database (<http://data.people.com.cn>). People’s Daily commentary articles are normally authored by internal editors, renowned Chinese scholars, and senior officials commissioned to write on a specific topic; thus, commentary articles are indicative of the Chinese government’s views on a particular subject. The selection process

resulted in 1230 IPR-related commentary articles, which were cleaned to remove information irrelevant to IPR in order to give a more precise estimate of China's views on IPRs. Aside from relying on People's Daily commentary articles, the study also employed academic articles from the Chinese journal Intellectual Property as an additional source of data because academic articles allow the researcher to probe more deeply into China's views on IPRs. The journal is run by the China Intellectual Property Society, which is administered by the China National Intellectual Property Administration (CNIPA).

The study introduces STM. STM is an R-based topic model software program developed by Roberts et al. [15], which uses statistical formulas to estimate the number of latent topics in a large corpus. The program does not automatically uncover the number of topics and attach names to them. As a probabilistic and unsupervised topic model program, STM only generates a handful of keywords associated with each potential topic and rough numbers indicating the overall and changing prevalence of each topic over a period. To determine the validity and content of each topic, the only way is to carefully read original articles, validate the model, and then attach a name to each valid topic. Thus, STM does not replace human coding but aids the process.

The study used two metrics generated by STM—semantic coherence and exclusivity [15, p. 10–13]—to select candidate models. Semantic coherence estimates the degree to which a topic is internally coherent, while exclusivity calculates the degree to which a topic is independent from other topics. After this, the study decided on a list of candidate models and juxtaposed them against one another to select the final model. To further validate the final model, the study conducted semantic validity and predictive validity tests [16, p. 20–23]. To assess semantic validity, the study conducted a detailed reading of the top 15 most prevalent articles of each topic. To check predictive validity—the degree to which the distributional trends of topics predict and correspond to external events, the study compared the machine-produced prevalence trends with relevant real-world events.

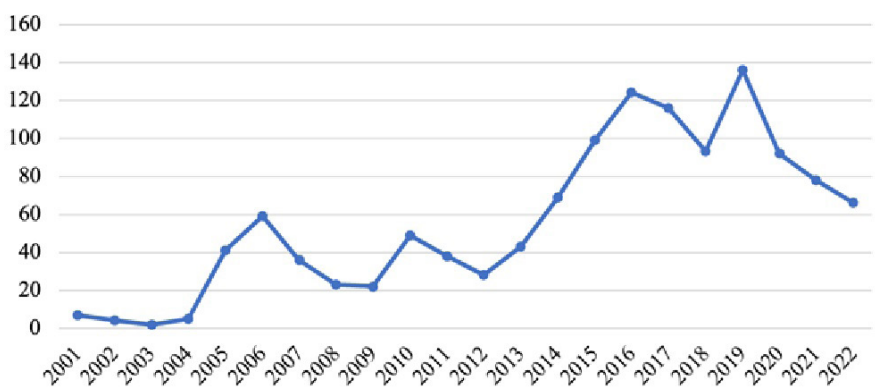
Findings and Discussions: China's Views on IPRs

This section discusses the STM model based on 1230 People's Daily commentary articles to trace China's evolving views on IPRs. It first describes the STM model and then details the four themes uncovered by STM.

Figure 1. counts of the number of IPR-related commentary articles published in People's Daily each year from 2001 to 2022. It shows that the number of relevant commentary articles gradually rises in quantity. What is especially noteworthy about the curve is that IPRs are most likely to be discussed when there are trade disputes with the U.S. The first peak is 2006, a year when the U.S. was preparing to launch a dispute case (DS362) against China on IPR protection to the WTO dispute settlement body [17, p. 34–37]. The second peak is 2010, a year after the WTO dispute settlement body adopted a report regarding the

DS362 case in 2009 and demanded China to implement the ruling [18]. The attention devoted to IPRs has increased exponentially since President Xi Jinping formally assumed power in 2013. The number of articles peaks in 2019 during the U.S.-China trade war. The number then slides down after the outbreak of the Covid-19 pandemic.

Figure 1. The Number of IPR-related Commentary Articles in People’s Daily (2001 to 2022)

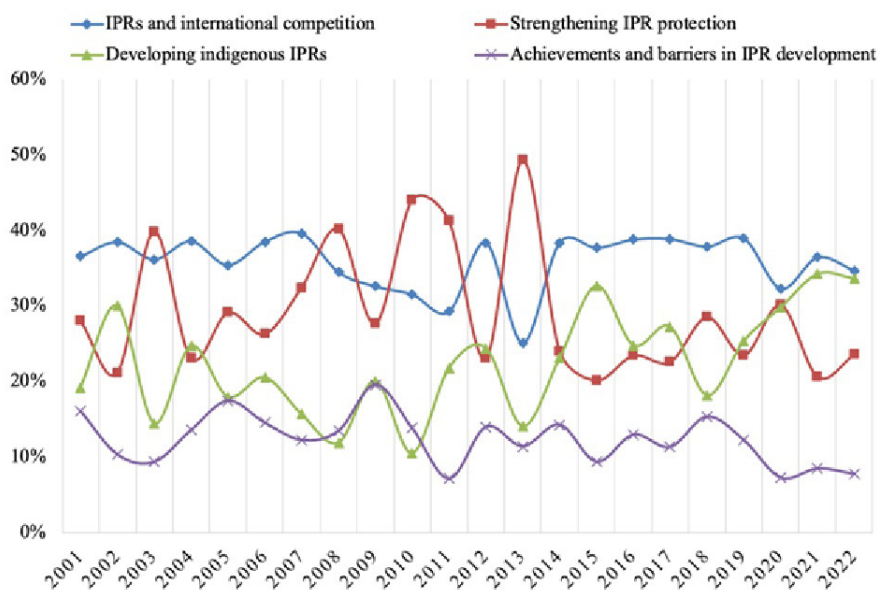


Source: Counted by the Author

The final chosen model has 14 topics. After data coding, the final number of topics was narrowed down to 13 because there were two overlapping topics. To better present the results, the study further grouped the 13 topics into 4 themes. Their changing prevalence trends from 2001 to 2022 are displayed by Figure 2. What is interesting about Figure 2. is the close relationship between “IPR and international competition” and “developing indigenous IPRs,” as the development of indigenous IPRs is critical to increasing China’s international competitiveness. Additionally, the four themes of Figure 2. are generally stable in terms of prevalence throughout the period, despite some periodic fluctuations. Their stability reflects that there are no drastic changes in China’s official rhetoric on IPRs.

The prevalence trends revealed by Figure 2. are also consistent with major events in China’s post-WTO accession IPR development. The emphasis on strengthening IPR protection clearly rises in prevalence during 2003–2013, a period that largely overlaps with the Hu Jintao presidency. This is also a period during which China faced the U.S.’s first attempt (from 2004 to 2007) to engage China on IPR protection after China’s entry into the WTO [17] and the first IPR litigation—DS362 (from 2007 to 2010)—against China in the WTO dispute settlement body [18]. While after President Xi Jinping formally came to power in 2013 and especially after the U.S.-China trade war starting in 2018, more attention is given to developing indigenous IPRs.

Figure 2. Topic Prevalence of the 4 Themes Over Time



Source: Coded by the Author

IPRs and International Competition

After China's accession to the WTO, the immediate challenges that the growing connections of Chinese firms with the international market and trade between China and foreign countries posed to the Chinese government were twofold: (1) IPR disputes with foreign multinational corporations and governments; (2) IPR-related difficulties faced by newly emerging Chinese multinational corporations.

Starting in 2004, the U.S. began to press China on IPR protection. The issue first emerged at the 2004 Joint Commission on Commerce and Trade meeting. Against this background, the Chinese government faced an immediate possibility that Washington could eventually file an IPR case against China to the WTO dispute settlement body.

In response, the Chinese government resorted to international competition as the prevailing framework to characterize rising IPR disputes beyond national boundaries. A 2006 People's Daily commentary article, for example, openly framed the IPR-related behavior of some developed countries, especially the U.S., and transnational corporations through the lens of international competition. It stated as follows:

On the one hand, related IPR cases have increased significantly. Take the "Section 337 Investigation" of the U.S. as an example. The main target countries have shifted from Japan and South Korea to China. This Investigation has become another roadblock to "Made in China" exports to the U.S... On the other hand, IPRs have become one of the tools used by

some multinational companies to suppress Chinese competitors and seek greater profits... It can be said that the period of high incidence of IPR disputes in China has arrived ahead of schedule [19].

The statement plainly illustrates a disposition to prioritize China's economic interests, particularly China's competitiveness in international trade. The article further called on Chinese firms to develop indigenous IPRs and core technologies because "IPRs...are related to a country's international status and dignity" and "have become the strategic commanding heights of world technology and economic competition" [19].

Through the lens of international competition, IPR actions of foreign countries and multinational firms assume tacit protectionist intent to expand their interests at the expense of limiting China's development. For instance, a 2007 commentary article cautioned against "neo-trade protectionism" among developed countries. The concept refers to the strengthening of discourse and rule-making power in the globalizing world economy based on a country's socio-economic traits, the aim of which is ultimately to maintain its dominant position in international economic competition [20]. One of the primary characteristics of "neo-trade protectionism" among developed countries is the utilization of their superior economic position to create various new trade barriers, practice nomological protection of core technologies, and directly challenge WTO rules [20]. In a similar fashion, another commentary article contended that the U.S.'s "Section 337 Investigation" is not intended to protect IPRs but to protect its market share, and "'Section 337 Investigation' is gradually becoming an instrument of competition" [21]. To neutralize trade protectionism, China needs to not only "use American rules to play games with Americans" but also "find ways to acquire our own IPRs" [21].

The emphasis on competition is also conspicuous in the discussions on IPR protection of Chinese transnational corporations. In an article on a trademark squatting case where a Laotian firm pre-emptively registered a famous Chinese trademark, the case was characterized in relation to the broader difficulties that Chinese firms have in international trade. The article suggested that:

As international market competition becomes more intense, multinational companies will adopt more measures to build trade barriers out of self-interests, such as trademark squatting...To increase the exports of indigenous brands, companies must not only further improve their own technological innovation capability but also increase their intellectual properties. Protecting IPRs from infringement has become a problem that Chinese enterprises must face when entering the international market [22].

In more recent years, especially after the series of far-reaching events since 2017, much attention has been directed to de-globalization. Largely because of the changing global economic environment, although competition is a persistent

theme, the focus has been simultaneously placed on attracting foreign investments and increasing China's international discourse power in IPRs. In a 2020 commentary article, Yang Song, a Chinese expert in international law and a representative of the 13th National People's Congress, submitted that:

At present, international economic and trade rules pay more attention to the promotion of institutional opening-up, that is, the promotion of the standard of opening-up through trade and investment facilitation, the optimization of business environment, and the strengthening of IPR protection...Recently, the trend of anti-globalization has been on the rise in the world. A few countries are undermining the globally recognized concepts and rules of trade for their own benefits, which has seriously harmed the multilateral trading system...In 2019, the Second Session of the 13th National People's Congress passed the Foreign Investment Law...This law...reflects that our country's foreign investment legal system keeps pace with the times in terms of market access, investment environment improvement, and IPR protection...The promulgation and implementation of the Foreign Investment Law is an important step in our country's promotion of institutional opening-up [23].

Yang's statement highlights a correlation between the creation of the Foreign Investment Law and anti-globalization. Article 22 of the Law stipulates that "the State protects the IPRs of foreign investors and foreign-invested enterprises, protects the legitimate rights, and interests of IPR holders and related rights holders, and holds IPR infringers legally accountable in strict accordance with the law" [24]. This is the first time that the protection of foreign IPRs is institutionalized in formal Chinese legislation. Indeed, the inclusion of foreign IPR protection seems to be driven by the need to attract foreign investments, which have long been an important engine of China's economic growth, in the changing international environment. The inclusion is a major step to enhance IPR protection of foreign investors.

Meanwhile, strengthening China's international discourse power in IPRs is also important for China's IPR development. This is because China's "status in global intellectual property governance has been continuously improving, but it is still in a relatively weak position in terms of discourse power"; thus, China needs to strengthen national security in the field of IPRs [25]. As further explained by Ma Yide [26, p. 45–49], a professor at the University of Chinese Academy of Sciences, Western developed countries have sought to utilize IPR advantages and trade protectionism to contain China's rise and develop other "small-circle" institutions to ostracize China to their own advantage. China should propose a Chinese approach to the global governance of IPRs that is centered on strengthening the country's institutional discourse power in order to reshape international norms and rules [26].

The recent co-emphasis on further institutionalizing IPR protection to attract foreign investments and on proactively reshaping global IPR governance to bolster China's international discourse power reflects a dilemma posed by the long-

standing significance of foreign investments to China's economy and a desire to enhance international influence. It seems that the Chinese government attempts to reshape global IPR governance as a proactive approach to coping with recent global economic and political uncertainties, but meanwhile, China is yet to entirely forgo its reliance on foreign investments to boost economic growth. Therefore, the recent efforts to further institutionalize IPR protection is a strategic decision compatible with the abiding tendency to subsume IPRs under the framework of international competition.

Strengthening IPR Protection

As the issue of IPR protection is colossal in scope, the following discussion focuses on China's views on IPR protection with an eye on the motives behind China's understandings of IPR protection, the relative strategic position of IPR protection in its domestic and international IPR policy, and the evolution of these ideas.

By the end of 2001, China has established an IPR regime compliant with the TRIPS Agreement as part of the effort to prepare the country's WTO entry. In an internal speech by the head of the CNIPA Wang Jingchuan to the heads of local IPR administrations in 2002, Wang underscored five major challenges for China's post-WTO accession IPR work. The first point was the stage of development of China's IPR enterprise. He commented that even though China has established a competent IPR regime, "our country's IPR work...is still in an elementary phase of development and is incompatible with the overall requirements of our country's socio-economic development in many respects... and with the increasingly intense international IPR competition" [27, p. 6]. In a post-WTO accession world, "the trade frictions between our country and foreign countries are growing, and the challenges are still severe, so we must not take it lightly" [27]. Second, in terms of the number of IPR products, China has become an IPR great power, but in terms of quality, China is far behind developed countries [27]. Third, "we must watchfully observe the newest trends of international IPR development" in order to "obtain the priority in international competition"; this is because developed countries are continuously strengthening IPR protection and development to "serve their economic development and keep their great power status and international influence" and intend to "westernize and divide China and to contain China's development" [27]. Fourth and fifth, China needs to localize international IPR institutions and constantly adjust its strategy and approach toward IPRs according to the requirements of development [27, p. 7]. As stressed by Wang:

We can no longer simply copy the practices of foreign countries or follow their track. Instead, we should timely shift the overall development of our country's IPR from relying on the experience of others to the exploration of a development path with Chinese characteristics based on the experience of others...It can be said that we are also facing a problem

of Sinicization of the IPR system... We need to base on how to better safeguard our national interests, national economic security, and national sovereignty; base on innovation and development and unswervingly following our own path. For this reason, we must seriously examine our work in the spirit of advancing with the times... We should also strengthen the construction of IPR institutions, implement IPR strategy, and further develop indigenous IPRs of our own in order to nurture and advance our country's core competitiveness [27].

Wang's statement clearly highlights an inclination to utilize and localize IPR institutions to serve China's specific socio-economic interests and broader strategic ambitions. At the heart of China's thinking on IPR institutions appears to be not only the protection of IPRs as a form of private property but also, first and foremost, leveraging IPR institutions as an instrument to advance China's core competitiveness in international competition.

Viewed through this lens, IPR protection is an issue subservient to macro-strategic objectives, such as the stimulation of economic growth and improvements in international standing. As summarized by Cao Jianming, who served as Vice President of the Supreme People's Court from 2003 to 2008, "the strategic decisions of the CPC and the state, China's economic development, and social progress have brought forward new requirements for IPR adjudication... IPR protection is no longer a generic issue of civil rights protection but is concerned with the country's general development strategy and major national interests" [28, p. 12]. Particularly, China's judicial IPR protection would both demand further efforts to fill legislative and institutional gaps and face more judicial cases emanating from international competition [28]. With respect to the inadequacies in legal and administrative protection of IPRs, Cao acknowledged in another speech in 2006 that "our country's economy has rapidly developed in recent years, but the status of IPR protection is yet to adjust itself to new developments, and the legal environment for the judicial protection of IPRs needs to be considerably improved" [29, p. 7]. He [29] identified six pitfalls in China's legal and administrative IPR protection: (1) the lack of awareness in local governments and the public and local protectionism; (2) loopholes in China's legislation; (3) defects in China's administrative enforcement mechanism; (4) regional imbalances in terms of implementation and enforcement; (5) the lack of enforcement resources; (6) the high costs of protecting IPRs.

The recognition of the problems with IPR protection at the national level implies that IPR protection is an existent element in the Chinese government's planning of national IPR development and protection. However, overriding IPR protection is the strategic objective to employ IPR institutions to realize China's economic and political interests, and IPR protection seems to be secondary vis-à-vis national development.

In 2008, the State Council released the Guiding Principles of National IPR Strategy. The document set out rather moderate goals for enhancing IPR protection, focusing mainly on immediate administrative measures and improvements.

The Guiding Principles planned to transform China into a country with a fairly high level of creating, utilizing, and protecting IPRs by 2020 [30]. For the next five years (2008 onward), China would noticeably contain the misuse of IPRs and reduce the number of counterfeit products, the level of IPR piracy and infringement, and the barriers to IPR protection [30]. At the operational level, there were two noteworthy items. First, the amelioration of the IPR legal enforcement and management mechanism was defined as one of the strategic priorities for the improvement of IPR institutions [30]. Second, the document included strengthening customs enforcement as one of the areas for the acceleration of the construction of an IPR legal system [30].

In 2021, the State Council upgraded the 2008 Guiding Principles with the 2021 Guiding Principles of Building an IPR Power (AIPRP). The new document draws more attention to the institutionalization of IPR protection and prescribes the specific areas for implementation. It sets forth three major areas of IPR protection, which are the construction of an IPR institutional system for socialist modernization, the construction of an IPR protection system to build a world-class business environment, and the construction of a socio-cultural environment that respects knowledge and innovation [31]. The first two objectives entail a series of plans to further institutionalize IPR protection. The document states that to ameliorate China's IPR institutional system, China will revise relevant laws and regulations and devise new ones in a number of areas, including trademarks, copyrights, patents, geographical indications, trade secrets, the abuse of IPRs, anti-monopoly, and anti-unfair competition; China will also respond to new technological developments and trends by revising and drafting relevant laws and regulations in a timely manner [31]. To improve business environment, China will upgrade the administrative protection system by taking a number of measures, such as the toughening of enforcement and punishment, the standardization of enforcement rules and procedures, the professionalization of relevant personnel, and the establishment of a centralized, collaborative IPR protection configuration to ensure effective and efficient IPR protection [31].

The shift from a shallow administrative approach to an integrated approach based on both institutional and legal reforms and tougher administrative measures for IPR protection is consistent with China's overall goal to use IPR institutions to serve national development. However, the change evidently demonstrates the heightened importance of IPRs in China's overall strategic planning and the growing need to develop and protect IPRs for achieving China's industrial upgrading. As explained in a People's Daily commentary article, "our country has entered a new stage of development, and the role of IPRs as a strategic resource for national development and a core element of international competitiveness has become more prominent," but China's IPR legislation is yet to catch up with new technological developments, and high-quality IPRs still fall short [32]. Thus, the adoption of the AIPRP policy is an inevitable development "to build a socialist modern power...and promote high-quality development" [32].

Developing Indigenous IPRs

The rise of the idea of developing indigenous IPRs is closely associated with the Strategy of Invigorating China through Science and Education advanced in 1995. In the Suggestions Regarding the 11th Five-year Plan passed at the Fifth Plenary Session of the 16th CPC Central Committee in 2005, strengthening indigenous innovation capacity was defined as the strategic basis for achieving the Strategy and the central link for upgrading China's industrial structure and growth mode [33]. Doing so requires the development of more brands with indigenous IPRs and "broadening the exportation of products with indigenous IPRs and brands" [34, p. 15]. The "science" part of the Strategy was further specified in a speech by President Hu Jintao at the First National Scientific Technology Conference in 2006. In the speech, President Hu brought forward for the first time the concept of Constructing an Innovative Country (CAIC), which was incorporated into the Guiding Principles of National Mid to long-term Science and Technology Development Plan (2006–2020) [35]. IPRs occupied a strategic place in the Chinese government's conception of the CAIC strategy. Section 4 Part 8 of the Guiding Principles stated that China would adopt an IPR and technological standard strategy, and according to the needs of national strategy and industrial development, China planned to "produce a batch of inventions and creations that are of great significance to economic, social and technological development, with the goal of developing indigenous IPRs" [36]. Subsequently, the State Council devised the Guiding Principles of National IPR Strategy in 2008. In 2009 and 2010, the Ministry of Science and Technology, the Ministry of Finance, and the National Development and Reform Commission issued two guiding documents for the recognition of indigenous innovation and IPRs, which were intended to operationalize the indigenous innovation policy.

As an organic component of China's grand policy to stimulate indigenous innovation, the development of indigenous IPRs is considered a key policy measure for international competition. The rationale was explained by Lu Yongxiang [37], President of the Chinese Academy of Sciences, who stated that developed countries use IPRs to maintain vested interests and technological leadership, while developing countries need to obtain more IPRs based on indigenous innovation and at the same time actively participate in the innovation of the international IPR system to strive for a fairer and more reasonable institutional environment. He then suggested that under the current circumstances, "our country needs to further...strengthen the protection of IPRs...and encourage the government and the whole society to increase investment in science and technology [37]. In a similar vein, Xu Guanhua [38], China's Science and Technology Minister, cited three reasons for adopting the CAIC strategy and developing indigenous IPRs in his speech to a group of cadres: (1) technological innovation determines a country's international competitiveness; (2) the introduction of technology is not equivalent to the introduction of technological innovation ability; (3) real core technologies can be bought with money. Thus, to enhance innovation capacity,

China can skillfully make the most of the central role of the government, cultivate talents, protect and develop IPRs, and carry out international technological cooperation [38].

Although less attention has been directed to the CAIC policy and the development of indigenous IPRs since 2007 and 2008, for the policy has entered an implementation phase, the idea of developing indigenous IPRs has taken on a new emblem after President Xi Jinping formally came to power. In 2021, the State Council revealed the Guiding Principles of Building AIPRP (2021–2035). The notion of AIPRP is intended to be a comprehensive IPR strategy for a new era. The strategy sets out two envisions. By 2025, China will increase the added value of its patent-intensive industries and copyright industries to 13% and 7.5% of GDP respectively, increase the total annual import and export of IPRs to around 350 billion yuan, and increase the number of high-value invention patents per 10,000 people to 12 [31]. By 2035, China will become a leading country in terms of global IPR competitiveness and comprehensively participate in global IPR governance and protection [31].

A marked departure of the AIPRP strategy from the CAIC strategy is a shift from the sole emphasis on indigenous innovation and IPRs to the organic combination of both domestic IPR development and protection and active participation in global IPR governance. As Ma Yide [26] contended, the AIPRP strategy is a natural requirement of China's IPR strategy and a pragmatic response to the increasingly dysfunctional global IPR regime. Regarding the former, there are primarily four justifications: (1) new information technologies have qualitatively transformed the global economic and political configuration; (2) de-globalization has driven Western states to re-locate manufacturing industries to the West and other developing countries; (3) the changing international distribution of power has prompted Western states to lock China in a low-end position on the global value chain; (4) it is growingly difficult for China to maintain the conventional high-growth development model [26, p. 42–43]. To mitigate new challenges, China needs to make use of IPR institutions because “unlike the Soviet collective approach to scientific development that can only stimulate economic and technological growth in a short period of time...but cannot maintain long-term ‘physical and mental health,’” IPR institutions can properly incentivize growth and development in a relative persistent and virtuous manner [39, p. 105]. However, in the meantime, China will both localize IPR institutions with the government playing a central role [39, p. 109–115] and proactively shape global IPR governance by (1) participating in the existing global IPR institutions, (2) shaping regional IPR cooperation, and (3) cooperating with other countries to improve IPR protection in order to increase China's discourse power [26, p. 52–53].

Apparently, developing indigenous IPRs is an integral component of China's IPR strategy and one of the means to achieving its international ambition. The new AIPRP strategy reveals a recognition of the inseparability of the cultivation of indigenous IPRs and adequate IPR protection. The realization at the policy

level not only grows out of the need to boost international competitiveness but also is a response to reconcile recent international and domestic pressures on the sustainability of China's economic development.

Achievements and Barriers in IPR Development

The most dominant topic in this theme revolves around the growing number of Chinese IPR products but the lack of high-quality and high-value products and the existence of numerous obstacles to IPR development, application, and protection. China is now the world's leading national source of IPR products.

However, the real concern behind the soaring number of IPR products for the Chinese government is the quality of these products. As early as 2006, a commentary article from People's Daily already warned against the triumphalism over China becoming the world's largest applicant and producer of IPRs. The article stated that patent applications in China amounted to around 476,000 pieces in 2005, a 34.6% increase compared with 2005; while the number of Chinese trademark applications also reached around 650,000 in 2005 [40]. "The quantity of IPRs is indeed one of the criteria for measuring the achievements of indigenous innovation, but...an unreliable criterion because a large part of these IPRs may be just 'knowledge' that cannot be transformed into real products and enter the international market," and "our country needs to improve its indigenous innovation capability" in pursuit of the increase in the added value of the products and mastering core technologies in key areas [40].

Central to the quality problem is the shortage of high-tech and high-value products. According to the statistics from the CNIPA [41], the CNIPA approved around 4.46 million domestic patents in 2021, among which around 3.1 million were utility models. Compared with other patents, such as inventions and designs, utility models only provide technical, short-term, and minor improvements to an existing product. These patents tend to require less research and development resources and potentially generate less commercial and technological value. The structural problem with China's patent quality is suggestive of the lack of innovative elements in most Chinese IPR products. Dong Tao [42], who was a senior researcher at the Development Research Center of the CNIPA, contended that China's initial wariness with IPR institutions and emphasis on industrial security in the early 2000s had unfortunately driven foreign firms to move many research and development activities outside China, which is not an ideal development. This is because one of the goals of the reform and opening-up is to use the advantages of foreign companies in technological innovation to play a positive demonstration role for domestic companies and lead our country onto a road of healthy development" [42, p. 57–58]. However, many domestic firms, especially state-own enterprises, are not willing to innovate but are more inclined to purchase patents and engage in financial investments for immediate benefits; China's IPR institutions are now in a dilemma where many patents are unable to be applied in industrial production, and "our country's innovation system seems

to be suffering from the symptoms of ‘myocardial infarction’” [42, p. 58].

Dong’s views tend to imply that China’s insufficient IPR protection and enforcement in the 2000s was due to the lack of knowledge about IPR institutions and a strong tendency to protect industrial security, namely the survival of nascent domestic industries and inefficient state-owned enterprises. Nevertheless, there is an obvious shift from highlighting the legal and administrative deficiencies as obstacles to China’s IPR development to focusing on the barriers to innovation as obstacles to China’s IPR development. As expressed by Dong [39, p. 114–116] in a more recent article, China’s AIPIA strategy faces four existent obstacles: (1) China has not established an innovation structure that effectively incentivizes innovators and researchers; (2) the existing IPR institutions are yet to catch up with economic and technological developments; (3) IPRs have not become a widely shared normative consensus in the society due to instrumentalism with IPR institutions; (4) the global IPR regime is becoming increasingly fragmented, as developed countries intend to alienate China. The first three barriers are the products of longstanding problems with IPR institutions and protection as partly pointed out by Cao Jianming back in 2006, whereas the last obstacle is a direct result of the radically restructuring international geopolitical landscape in recent years. Thus, it appears that the main driving force of the AIPRP strategy is the interplay between a growingly unfavorable international environment and the exhaustion of domestic economic dividends. When combined, these factors bring the persistent barriers impeding innovation under the spotlight of China’s IPR policy, as the prospects for accessing foreign IPRs are shrinking and industrial upgrading is highly innovation and technology-dependent.

These problems allude to both the states’s sensitivity to changing domestic and international conditions essential to China’s international competitiveness and structural impediments hindering China’s IPR development, as the AIPIA strategy is intended to navigate the country through recent internal and external pressures by ameliorating structural vulnerabilities in China’s IPR system. Above all this is still the subsumption of IPRs under China’s broader aspiration for strengthening national power and international competitiveness.

Conclusion

Although the IR literature on China’s relations with the WTO points to China’s instrumentalism with internalizing WTO rules and norms, the striking predominance of the pragmatic conception of IPRs as an instrument of international competition is non-negligible. The view has had little alteration since 2001 and is consistent across the four themes unveiled by the STM model. Underlying the pragmatic interpretation is a deep-seated realpolitik discourse that sees the international arena as a vicious place where China needs to always stay vigilant and advance its national power in international competition. Thus, IPR institutions are not merely private property institutions but are ultimately a pathway to international influence and status. As the evidence suggests, the recent advent of

the AIPRP strategy that accentuates the further institutionalization of IPR protection and the development of indigenous IPRs appears to stem from the state's sensitivity to changing international and domestic developments unfavorable to China's international competitiveness and a determination to mitigate structural problems in China's IPR system that undermine indigenous innovation and the utility of IPR institutions in promoting domestic development. The prevalence of the realpolitik view on IPRs poses challenges to the socialization thesis that engagement in the WTO IPR institutions can foster China's continued socialization into these institutions.

Indeed, there may be divergent views not encompassed by the analysis, and one should also avoid overgeneralizing the findings to conclude that China's overall approach to the WTO is dominated by a realpolitik worldview. As China continues to march toward national rejuvenation and as the hegemonic realpolitik discourse on IPRs continues to reify a pragmatic approach to IPRs under the framework of international competition, the impact of international ideas in socializing China into external IPR standards is likely to be not only secondary vis-à-vis domestic factors but also forcefully resisted if international ideas do not accommodate China's pursuit of international competitiveness. Therefore, China's engagement in the WTO TRIPS regime and improvement of IPR protection will not be a linear process of socialization but strongly moderated by China's sustained quest for international competitiveness in light of evolving domestic and international conditions.

References:

1. WIPO. (2022). World Intellectual Property Indicators 2022. [Online] [Accessed 11 August 2023]. Available from: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-941-2022-en-world-intellectual-property-indicators-2022.pdf>
2. European Union Intellectual Property Office. (2022). EU Enforcement of Intellectual Property Rights: Results at the EU Border and in the EU Internal Market 2021. [Online] [Accessed 11 August 2023]. Available from: https://euipo.europa.eu/tunnel-web/secure/webdav/guest/document_library/observatory/documents/reports/2022_EU_enforcement_of_IPRs_2021/2022_EU_enforcement_of_IPRs_results_2021_FullR_en.pdf
3. WTO. (2023a). Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights as Amended by the 2005 Protocol Amending the TRIPS Agreement. [Online] [Accessed 18 August 2023]. Available from: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/trips_e.htm#art1
4. Zhang, Y. (2003). Reconsidering the Economic Internationalization of China: Implications of the WTO Membership. *Journal of Contemporary China*, 12(37), pp. 699–714.
5. Pang, Z. (2004). China as a Normal State? Understanding China's Unfinished Transformation from a State Socialisation Perspective. *The*

- Journal of East Asian Affairs, 18(2), pp. 340–370.
6. Snyder, Q. Z. (2013). The Illiberal Trading State: Liberal Systemic Theory and the Mechanism of Socialization. *Journal of Peace Research*, 50(1), pp. 33–45.
 7. Oh, S. Y. (2015). How China Outsmarts WTO Rulings in the Wind Industry. *Asian Survey*, 55(6), pp. 1116–1145.
 8. Anderson, K. (2001). Making Sense of State Socialization. *Review of International Studies*, 27(3), pp. 415–433.
 9. Johnston, A. I. (2001). Treating International Institutions as Social Environments. *International Studies Quarterly*, 45(4), pp. 487–515.
 10. Flockhart, T. (2004). 'Masters and Novices': Socialization and Social Learning through the NATO Parliamentary Assembly. *International Relations*, 18(3), pp. 361–380.
 11. Kelley, J. (2004). International Actors on the Domestic Scene: Membership Conditionality and Socialization by International Institutions. *International Organization*, 58(3), pp. 425–457.
 12. Schimmelfennig, F. (2005). Strategic Calculation and International Socialization: Membership Incentives, Party Constellations, and Sustained Compliance in Central and Eastern Europe. *International Organization*, 59(4), pp. 827–860.
 13. Kent, A. (2002). China's International Socialization: The Role of International Organizations. *Global Governance*, 8(3), pp. 343–364.
 14. Johnston, A. I. (2008). *Social States: China in International Institutions, 1980–2000*. Princeton: Princeton University Press.
 15. Roberts, M. E., Stewart, B. M., and Tingley, D. (2019). Stm: An R Package for Structural Topic Models. *Journal of Statistical Software*, 91, pp. 1–40.
 16. Grimmer, J. and Stewart, B. M. (2013). Text as Data: The Promise and Pitfalls of Automatic Content Analysis Methods for Political Texts. *Political Analysis*, 21(3), pp. 267–297.
 17. Cheung, G. C. K. (2009). *Intellectual Property Rights in China: Politics of Piracy, Trade and Protection*. New York: Routledge.
 18. WTO. (2023b). China — Measures Affecting the Protection and Enforcement of Intellectual Property Rights. [Online] [Accessed 23 August 2023]. Available from: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds362_e.htm
 19. Gong, W. (2006). China Should Face up to IPR Competition. *People's Daily (Overseas Version)*. 22 May, pp. 1.
 20. Huang, Q. (2007). Be Alert to the Rise of "Neo-trade Protectionism". *People's Daily (Overseas Version)*. 18 June, pp. 1.
 21. Wu, C. (2012). The U.S.'s "Section 337 Investigation" Is Becoming an Intellectual Property Barrier. *People's Daily*. 22 May, pp. 22.
 22. Zheng, X. and Du, H. (2005). Properly Manage Our IPRs. *People's Daily*. 10 May, pp. 8.
 23. Yang, S. (2020). Expanding the New Opportunities of Institutional Opening-up. *People's Daily*. [Online] [Accessed 15 August 2023]. Available from: <http://opinion.people.com.cn/n1/2020/1030/c1003-31911650.html>
 24. China Daily. (2019). Foreign Investment Law of the People's Republic of China (Bilingual). [Online] [Accessed 25 July 2023]. Available from: <https://language.chinadaily.com.cn/a/201903/22/WS5c-94798ca3104842260b205f.html>
 25. Cao, L. (2020). Safeguarding National Security in the Field of Intellectual Property. *People's Daily (Overseas Version)*. [Online] [Accessed 22 July 2023]. Available from: https://paper.people.com.cn/rmrhwb/html/2020-12/03/content_2021432.htm

26. Ma, Y. (2021). The Construction of AIPRP in the Context of Global Governance. *Intellectual Property*, 2021(10), pp. 41–54.
27. Wang, J. (2003). In-depth Study and Implementation of the Spirit of the 16th National Congress of the CPC to Comprehensively Create a New Situation in the Cause of Intellectual Property. *Intellectual Property*, 2003(01), pp. 3–11.
28. Cao, J. (2004). New Developments in the Judicial Protection of IPRs in China. *Intellectual Property*, 2004(04), pp. 9–12.
29. Cao, J. (2006). Strengthening the Judicial Protection of IPRs and Promoting the Construction of an Innovative Country. *Intellectual Property*, 2006(5), pp. 5–7.
30. State Council. (2008). The Guiding Principles of National Intellectual Property Strategy. [Online] [Accessed 3 August 2023]. Available from: http://www.gov.cn/zwqk/2008-06/10/content_1012269.htm
31. State Council. (2021). The Guiding Principles of Building AIPRP. [Online] [Accessed 18 August 2023]. Available from: http://www.gov.cn/zhengce/2021-09/22/content_5638714.htm
32. Gu, Y. (2021). Advancing Toward AIPRP. *People's Daily*. 8 October, pp. 5.
33. *People's Daily*. 2005. *People's Daily Commentator: Focusing on Indigenous Innovation*. 21 October, pp. 1.
34. CPC. (2005). Suggestions of the CPC Central Committee on the Formulation of the 11th Five-year Plan for National Economic and Social Development. [Online] [Accessed 22 July 2023]. Available from: <http://www.qingdao.gov.cn/n172/upload/140530141735400426/140825195321431753.pdf>
35. *People's Daily*. (2006). Striving to Build an Innovative Country. 9 January, pp. 1.
36. State Council. (2006). The Guiding Principles of National Mid to Long-term Science and Technology Development Plan (2006–2020). [Online] [Accessed 1 August 2023]. Available from: http://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_240244.htm
37. Lu, Y. (2006). Taking the Road of Indigenous Innovation with Chinese Characteristics and Build an Innovative Country. National People's Congress. [Online] [Accessed 24 July 2023]. Available from: <http://www.npc.gov.cn/npc/c541/200606/eaade893572746e7b84fc4d43a2182e3.shtml>
38. Xu, G. (2006). Indigenous Innovation and Technology Introduction. Ministry of Science and Technology. [Online] [Accessed 16 August 2023]. Available from: https://www.most.gov.cn/ztlz/jqzzcxcxqj/qzzcxcx-qxtcx/200604/t20060406_33912.html
39. Dong, T. (2021). Historical Dimension and Contemporary Implications of the AIPRP Notion. *Intellectual Property*, 2021(10), pp. 102–120.
40. Qin, P. (2006). Be Cautious of Becoming the World's Number One. *People's Daily*. 13 January, pp. 6.
41. CNIPA. (2022). Inquiry Indexes for Intellectual Property Statistical Data Disclosure (2022). [Online] [Accessed 25 July 2023]. At https://www.cnipa.gov.cn/art/2022/7/28/art_88_172404.html

МРНТИ:
06.73.65

ЛИЗИНГ КАК ДЕЙСТВЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Саят Урпежанов¹,
Айнагуль Адамбекова²,

¹ Заместитель председателя Правления АО «ForteLeasing»,
Алматы, Казахстан

² Профессор КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан,
e-mail: ainatas0408@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-3.05>

Аннотация. Цель исследования - изучить роль лизинга как инструмента государственной поддержки предпринимательства в развитии национальной экономики, выявить основные проблемы в ее реализации и выработать пути их решения. Исследование имеет практическую значимость и может внести свой вклад в развитие рынка лизинговых услуг и предпринимательства в целом, так как в нем представлены рекомендации по расширению доступности финансирования для малого и среднего бизнеса, раскрыто влияние лизинга на развитие национальной экономики, которое может быть учтено при разработке дорожных карт, оценено состояние основных фондов предприятий Казахстана и обоснована необходимость его обновления, в том числе за счет лизингового финансирования.

В рамках данной научной работы рассмотрены основные аспекты развития лизингового рынка в Казахстане и его влияния на развитие национальной экономики. Сделан особый акцент на изучение воздействия развитых лизинговых отношений на макроэкономическую среду как внешнюю среду, которая также влияет и на развитие лизинговой услуги. В работе дана оценка отдельным инструментам и рычагам реализации государственной поддержки лизинга в Казахстане. Разработаны рекомендации по инструментам государственной поддержки лизинга в Казахстане, требующие дальнейшего исследования, а именно направленность воздействия лизинга на макроэкономические индикаторы,

использование уточненного потенциала лизинга для развития МСБ, а также опыт других стран по развитию лизингового рынка и его применимость в Казахстане. Решение этих вопросов может способствовать разработке более эффективных мер по развитию лизингового рынка в стране на принципах ответственного инвестирования.

Ключевые слова: лизинг, рынок лизинговых услуг, лизингодатели, инвестиции.

ЛИЗИНГ КӘСІПКЕРЛІКТІ МЕМЛЕКЕТТІК ҚОЛДАУЫНЫҢ ТИІМДІ ҚҰРАЛЫ

Саят Үрпежанов^{1*}, Айнагүл Адамбекова²

¹ «ForteLeasing» АҚ Басқарма төрағасының орынбасары, Алматы, Қазақстан

² Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ профессоры, Алматы, Қазақстан, e-mail: ainatas0408@gmail.com

Аңдатпа. Зерттеу мақсаты – Ұлттық экономиканы дамытудағы кәсіпкерлікті мемлекеттік қолдау құралы ретінде лизингтің рөлін зерттеу, оны жүзеге асырудағы негізгі мәселелерін анықтау және оларды шешу жолдарын әзірлеу. Зерттеудің практикалық маңызы бар және лизингтік қызметтер нарығын және жалпы кәсіпкерлікті дамытуға ықпал ете алады, өйткені ол шағын және орта бизнесті қаржыландырудың қолжетімділігін кеңейту бойынша ұсыныстар береді, лизингтің ұлттық экономикаға әсері анықталды, ол жол карталарын әзірлеу кезінде ескерілуі мүмкін, Қазақстандағы кәсіпорындардың негізгі қорларының жай-күйіне баға берілді және оны жаңарту қажеттілігі, оның ішінде лизингтік қаржыландыру арқылы негізделді.

Осы ғылыми жұмыстың аясында Қазақстандағы лизинг нарығының дамуының негізгі аспектілері және оның ұлттық экономиканың дамуына әсері қарастырылған. Лизингтік қызметтердің дамуына да әсер ететін сыртқы ортартінде дамыған лизингтік қатынастардың макроэкономикалық ортаға әсерін зерттеуге ерекше назар аударылады. Жұмыста Қазақстандағы лизингті мемлекеттік қолдауды жүзеге асырудың жеке құралдары мен тұтқаларына баға берілді. Қазақстандағы лизингті мемлекеттік қолдау құралдары бойынша ұсынымдар әзірленді, олар одан әрі зерттеуді қажет етеді, атап айтқанда лизингтің макроэкономикалық көрсеткіштерге әсер ету бағыты, лизингтің нақтыланған әлеуетін ШОБ дамыту үшін пайдалану, сондай-ақ лизинг нарығын дамытудағы басқа елдердің тәжірибесі және оны Қазақстанда қолдану мүмкіндігі. Бұл мәселелерді шешу жауапты инвестициялау қағидаларын сақтай отырып еліміздегі лизинг нарығын дамытудың аса тиімді шараларын әзірлеуге ықпал ете алады.

Түйін сөздер: *лизинг, лизингтік қызметтер нарығы, лизинг берушілер, инвестициялар.*

LEASING AS AN EFFECTIVE INSTRUMENT OF STATE SUPPORT OF ENTREPRENEURSHIP

Sayat Urpezhanov¹, Ainagul Adambekova²

¹ Deputy Chairman of the Board of «ForteLeasing» JSC, Almaty, Kazakhstan

² Professor of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan,
e-mail: ainatas0408@gmail.com

Abstract. To study the role of leasing as an instrument of state support for entrepreneurship in the development of the national economy, to identify the main problems in its implementation and to develop ways to solve them.

The study has practical significance and can contribute to the development of the leasing services market and entrepreneurship in general, since it presents recommendations for expanding the availability of financing for small and medium-sized businesses, reveals the impact of leasing on the development of the national economy, which can be taken into account when developing economic road maps. The study assessed the state of fixed assets of enterprises in Kazakhstan and expressed substantial need for their renewal, including financing through leasing.

Within the framework of this scientific work, the main aspects of the development of the leasing market in Kazakhstan and its impact on the development of the national economy were considered. Particular emphasis is placed on studying the impact of developed leasing relations on the macroeconomic environment as an external environment, which also influences the development of leasing services. The work assesses individual tools and levers for implementing state support for leasing in Kazakhstan. Recommendations have been developed on instruments of state support for leasing in Kazakhstan that require further research, namely the direction of the impact of leasing on macroeconomic indicators, the use of the refined leasing potential for the development of SMEs, as well as the experience of other countries in the development of the leasing market and its applicability in Kazakhstan. Resolving these issues can contribute to the development of more effective measures for the development of the leasing market in the country on the principles of responsible investment.

Keywords: *leasing, market of leasing services, lessors, investments.*

Введение

Функционирование предпринимательства в условиях геополитической экономики с ее постоянными изменениями внешней и, как следствие, внутренней бизнес-среды, удорожает ресурсы финансирования, повышая структурированные риски. В этих условиях лизинг выступает действен-

ным инструментом государственной поддержки предпринимательства, поскольку позволяет предпринимателям формировать внеоборотные активы производственного назначения, делая ресурсы доступнее и смягчая риски. Распределяя стоимость актива во времени за счет арендных платежей, предприниматели могут сохранить свой капитал и использовать его для других нужд бизнеса, таких как наем сотрудников или расширение своей деятельности. В условиях нацеленности на достижение устойчивого развития через рациональное потребление ресурсов в контексте экологической ответственности, лизинг демонстрирует все признаки принадлежности шэринг экономике. Кроме того, лизинг может обеспечить налоговые льготы и гибкость с точки зрения модернизации или замены активов по мере необходимости. Значимость лизинга в условиях определенной корректировки приоритетов и направлений в ведении бизнеса особенно обострена, когда геополитические риски снижают доступ к инвестиционным ресурсам, а те в свою очередь инфляционируют, повышая стоимость оборудования. За счет лизинга предпринимательство может значительно снизить инфляционные потери как в операционной деятельности, так и выиграть в оптимизации финансовых расходов при обслуживании инвестиций. Предлагая варианты лизинга и поддержку, государство может помочь снизить входные барьеры для малого бизнеса и способствовать экономическому росту.

Методология. В данной работе были использованы различные методы анализа, включая применение дедукции, анализ количественных данных, а также графическая визуализация полученных результатов исследования. Экономический анализ рынка был основан на статистическом методе.

Обзор литературы. Исследования влияния рынка лизинговых услуг на развитие экономики страны, в том числе на макроэкономические показатели затрагивает следующие аспекты. Исследователи отмечают необходимость лизинга для развития экономики и обновления техники и оборудования [3]. Согласно статье Машаева А. [4] как и в прошлые годы, государственная поддержка остается главным фактором роста, который может быть предоставлен как прямо, через субсидирование ставок лизинга, так и косвенно, через предоставление бизнесу льготных кредитов для инвестиционных целей и пополнения оборотных средств. Из-за геополитических потрясений объем новых бизнес-сделок снижается [5], в результате чего лизинговые компании продолжают перестраиваться на новые рынки и увеличивают объем сделок с оборудованием бывшего употребления.

В исследовании «Рынок лизинговых услуг Казахстана: реалии и новые вызовы» [6] отмечается оживление рынка лизинговых услуг, а также рассматриваются проблемы в развитии лизинговых услуг в Казахстане

и в странах ЕАЭС. В статье «Role and importance of the damu enterprise development fund and international investment funds in implementing project and leasing financing programs in Kazakhstan» [7] описаны основные источники финансирования инвестиционных проектов малого и среднего бизнеса, проводится анализ основных показателей развития и способов финансирования в том числе через лизинг.

В статье «Major sources of financing investment projects» [8] описаны основные источники финансирования инвестиционных проектов. Ключевые выводы основаны на результатах анализа данных и применения инструментов технического анализа, составленного прогноза численности занятых, доли ВДС в ВВП страны, доли кредитов малому бизнесу, инвестиций в основной капитал.

В работе S.M. Huseynova "Directions of Formation of Favorable Competitive Environment in Azerbaijan's Leasing Services Market" [9] освещаются актуальные аспекты механизма лизингового финансирования и конкурентные преимущества рынка лизинговых услуг. Особенно интересным является изложение выводов по элементам эффективного маркетингового механизма, который функционирует на рынке. Эта работа значима для данного исследования, так как позволяет изучать международный опыт по совершенствованию маркетинговой политики лизинговой компании, а также формированию благоприятной конкурентной среды на рынке лизинговых услуг в целом, независимо от структуры его участников.

В статье [10] рассматривается реализация инвестиционных проектов в рамках нацпроекта «Устойчивый экономический рост, направленный на благосостояние Казахстанцев». В некоторых исследованиях освещаются вопросы правового регулирования лизинга, и на их основе предлагаются меры для его усовершенствования [11], а также определяются стратегии государственной политики в этой области [12]. В аналитических отчетах АО "Фонд развития промышленности" [13] подчеркивается необходимость более глубокого изучения мировых достижений в области лизингового финансирования. В цифровой платформе Министерства финансов Республики Казахстан [14] представляется сервис по финансовой отчетности и текущей деятельности предприятий.

Министерство национальной экономики РК как орган, решающий на государственном уровне вопросы развития лизинга, предлагает наделить Социальные предпринимательские корпорации (СПК) правом передавать в лизинг оборудование и кредитовать инвестиционные проекты [15]. Обзор данных рынка лизинговых услуг позволил отметить, что лизинг как инструмент поддержки позволяет предпринимателям получить доступ к необходимому оборудованию и технологиям с минимальными затратами на капитал. Это особенно важно для малых и средних предприятий, которые часто не могут позволить себе приобретение необходимого оборудования за счет собственных средств. Кроме того, лизинг позволяет пред-

принимателям сосредоточиться на основной деятельности, не отвлекаясь на управление и обслуживание оборудования, что повышает эффективность и производительность бизнеса.

Результаты исследования и их обсуждение

В Казахстане наблюдается рост рынка лизинговых услуг, который, по нашему мнению, обусловлен государственной поддержкой, осуществляемой по различным каналам. Лизинговые компании получают стимулы через финансирование на специальных условиях, а лизингополучатели получают выгоду через субсидирование процентной ставки, налоговых льгот и других преференции, которые применяются к полученным лизинговым услугам. Однозначно можно утверждать, что без наличия такой государственной поддержки лизинговые услуги в Казахстане не получили бы свое развитие в том виде, в котором они сегодня способствуют развитию национальной экономики.

Лизинговые услуги являются важным фактором поддержки предприятий, поэтому их наличие на рынке имеет большое значение для экономики и способствует ее развитию, оказывая положительное воздействие в нескольких аспектах:

1) лизинг может расширить доступ к финансированию для малого и среднего бизнеса (далее – МСБ), у которых не хватает ресурсов для покупки оборудования или техники. В результате МСБ может расти и создавать рабочие места и способствовать общему экономическому росту.

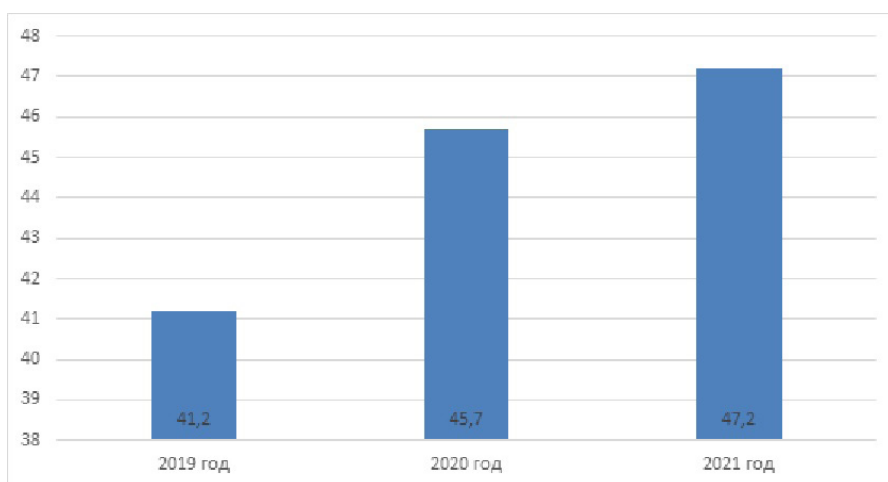
Таблица 1. Объем инвестиции в основной капитал, млн. тенге

	2020 год	2021 год	2022 год
Инвестиции в основной капитал	12 323	13 221	15 064
в т.ч. другие заемные средства (в т.ч. лизинг)	1 163	1 437	1 317
Доля в структуре инвестиции, %	9%	11%	9%
Доля в структуре ВВП	2%	2%	1%
Примечание – составлено авторами на основе источника [1]			

Большая часть инвестиций в основной капитал в Казахстане осуществляется за счет собственных средств предприятий (около 70%), около 20% - за счет бюджетных средств и до 10% за счет заемных средств. Доля других заемных средств (за минусом банковских займов) составляет 9% [1].

2) лизинг может способствовать приобретению современных и эффективных технологий, способных повысить производительность и конкурентоспособность в различных отраслях. Это может помочь привлечь больше инвестиций и стимулировать инновации, что может привести к дальнейшему экономическому развитию.

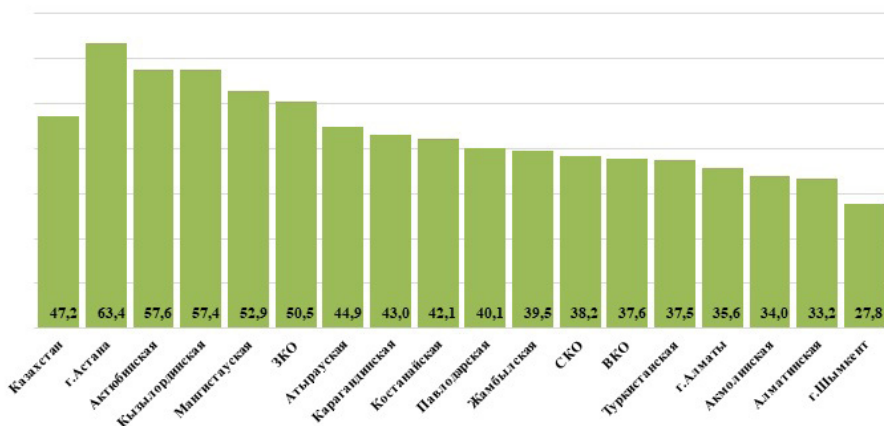
Рисунок 1. Степень износа основных средств в Казахстане, %



Примечание – составлено авторами на основе источника [1]

Согласно представленным в рисунке 1 данным, в Казахстане более 47,2 % основных фондов изношены и требуют ремонта. Данный показатель ухудшается ежегодно, и сейчас каждая вторая единица требует обновления. В разрезе регионов ситуация выглядит следующим образом.

Рисунок 2. Степень износа основных средств по регионам за 2021 год



Примечание – составлено авторами на основе источника [1]

В таких регионах как г.Астана, Актюбинская и Кызылординская области степень износа основных средств превышает 57% за счет недостаточного финансирования мер по обновлению основных средств, что привело к более быстрому износу и тем самым, они показывают наиболее худшие

значения по данному показателю. При этом, г.Шымкент, Алматинская и Акмолинская области находятся в лучшем положении из-за более эффективного управления и инвестирования, соответственно степень износа основных средств в этих регионах меньше 35%, хотя при этом следует отметить, что каждые 2 из 5 единиц основных фондов требуют ремонта. Важно отметить, что независимо от того, насколько изношены основные средства, их ремонт и замена являются необходимыми для обеспечения бесперебойной работы предприятий и инфраструктуры, поэтому необходимо проводить регулярный мониторинг и обновление основных средств во всех регионах.

3) развитие лизингового сектора может также привести к созданию новых организаций и рабочих мест в сфере финансовых услуг, включая лизинговые компании и финансовых посредников. В тоже время, предоставление лизинговой услуги всегда сопровождается страхованием, а значит будет способствовать и объемному и качественному росту и страхового сектора. Наряду с этим, лизинг всегда рассматривался как альтернатива классической кредитной услуги. Рост лизингового сектора будет способствовать развитию конкурентной среды, а значит и повышению качества услуг и в банковском секторе. Это может способствовать диверсификации экономики и снижению ее зависимости от экспорта природных ресурсов.

4) расширяя доступ к финансированию, лизинг демонстрирует все признаки ответственного инвестирования, и как инструмент, наиболее привязанный к объекту финансирования (оборудование, его последующее обслуживание) позволяет лизингодателю мониторить не только его целевое использование, но соответствие производимой с помощью такого оборудования продукции, работ и услуг принципам ESG. Как правило, для этих целей участники лизинговых отношений, в том числе при участии государства, определяют параметры экологических последствий своей деятельности (нормы выбросов, отходов, загрязнений) и мероприятий по нивелированию этих последствий. В тоже время, приверженность принципам корпоративной социальной ответственности прослеживается через предоставление особых условий и льгот лизингополучателю (женское предпринимательство, социальное предпринимательство, инклюзивное предпринимательство и др.).

В Казахстане из экономически активного населения старше 15 лет, 49% являются наемными работниками, 17,2% самозанятые и более 30% являются учащиеся, пенсионеры, домохозяйки и люди с ограниченными возможностями. Доля самозанятых в экономически активном населении относительно высока, что свидетельствует о том, что на лицо присутствие определенно значимой предпринимательской активности. Однако, для достижения более устойчивого экономического роста, важно развивать не только самозанятость, но и наемный сектор, который обычно характеризуется более стабильной заработной платой и социальными гарантиями

путем открытия новых производств и расширения действующего бизнеса.

Понятно, что рост ВВП достигаемый за счет роста производства и оказания услуг во всех его секторах, способствует экономическому росту и диверсификации страны, что в конечном итоге способно повысить уровень жизни ее граждан.

В целом широкое развитие рынка лизинговых услуг, может влиять на следующие макроэкономические показатели:

1) Инвестиции: лизинг может увеличить инвестиции в капитальные активы, что может привести к более высокому экономическому росту и производительности.

2) Занятость: Лизинг может способствовать созданию новых предприятий и рабочих мест, особенно в сфере производства и услуг.

3) Инфляция: повышенный спрос на капитальные активы через лизинг может оказывать повышательное давление на цены, что может способствовать инфляции. С другой стороны, направление средств на инвестирование в лизинг отвлечет средства с потребления и снизит давление на цены. Второй эффект более ожидаем чем первый, поскольку уровень износа основных средств настолько высок, что обновление фондов посредством лизинга не вызовет повышенного и неоправданного спроса.

4) ВВП: Лизинг может способствовать экономическому росту и увеличению ВВП, особенно в отраслях, которые в значительной степени зависят от средств производства.

5) Платежный баланс: лизинг может способствовать увеличению импорта средств производства, что может привести к увеличению торгового дефицита и повлиять на платежный баланс.

6) Процентные ставки: Лизинг может влиять на процентные ставки, поскольку спрос на финансирование может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от доступа к лизингу и вариативности его условий.

В целом влияние лизинга на макроэкономические показатели может варьироваться в зависимости от конкретных экономических условий и степени проникновения рынка лизинговых услуг в экономику Казахстана. Есть несколько предпосылок для дальнейшего успешного развития рынка лизинговых услуг в Казахстане, в том числе:

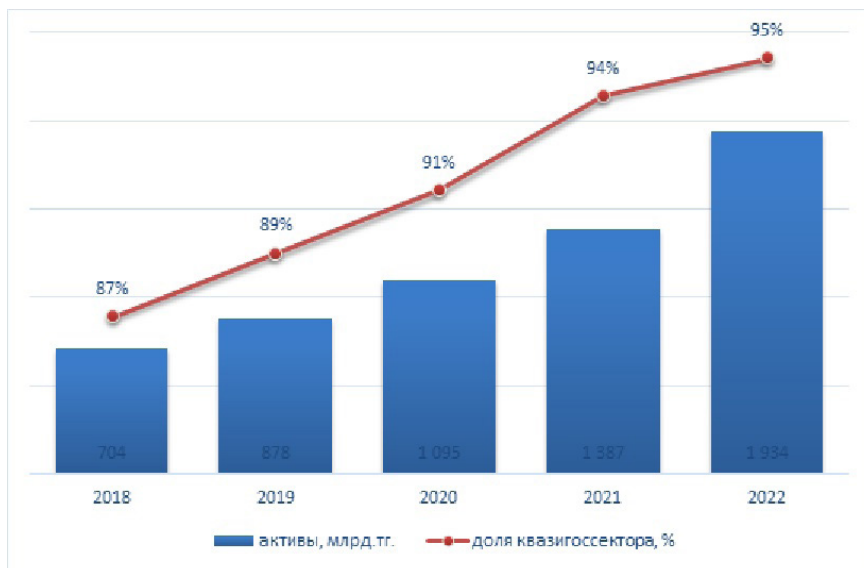
1. Ежегодный рост показателей лизингодателей. Активы Лизингодателей растут в среднем на 25% в год. Уровень капитала выглядит достаточно устойчиво и 24% активов компании обеспечены собственным капиталом.

2. Осуществление крупных инфраструктурных проектов в Казахстане. К 2026 году планируется запустить 418 новых предприятий, общий объем инвестиций составляет 11,1 трлн тенге. Это позволит создать 100,3 тыс. новых постоянных рабочих мест [10].

3. Предоставление лизинга через Социально-Предпринимательские Корпорации (СПК). Правительство Казахстана приняло решение о предоставлении ОКЭДа по финансовому лизингу всем СПК [15].

4. Выделение средств на лизинг через госпрограммы. В 2021-2025 годах из республиканского бюджета предусмотрено 264,3 млрд тенге, из них на лизинговое финансирование (автобусы, спецтехника, сельхозтехника, проекты машиностроения) – 220,4 млрд тенге [16].

Рисунок 3. Активы лизингодателей Казахстана, млрд тг.



Примечание – составлено авторами на основе источников [1] и [14]

5. Позитивные итоги автопрома, рост на 24%. в 2022 году было реализовано 123 778 новых машин, что на 5,3% больше, чем в 2021 году. В 2023 году ожидается такая же положительная динамика [3].

6. Потребность в обновлении в виду высокого уровня износа основных средств, как это было отмечено ранее. По данным официальной статистики, лишь около 10% основных средств обновляются ежегодно, в то время как почти половина основных средств действующих предприятий являются изношенными, и требуют финансирования [1].

В развитии рынка лизинговых услуг в Казахстане существуют определенные препятствия, которые включают в себя ряд сложностей, таких как:

1) Ограниченная осведомленность и понимание лизинга: многие потенциальные клиенты не знакомы с лизингом или не понимают его преимуществ, что приводит к низкому спросу на лизинговые услуги.

2) Высокие процентные ставки: Процентные ставки на лизинговые услуги в Казахстане часто выше, чем в банках второго уровня, что делает их менее привлекательными для потенциальных клиентов.

3) Ограниченная правовая база: Правовая база лизинга в Казахстане недостаточно развита, что может создавать неопределенность как для арен-

додателей, так и для арендаторов.

4) Ограниченный доступ к финансированию: Лизинговые компании в Казахстане часто имеют ограниченный доступ к финансированию, что может затруднить для них предложение конкурентоспособных ставок и расширение своего бизнеса.

5) Слабая институциональная поддержка: отсутствие поддержки со стороны таких учреждений, как правительство, финансовые регуляторы и отраслевые ассоциации, может препятствовать развитию лизингового рынка в Казахстане.

Объем финансирования лизинговыми компаниями для поддержки МСБ, будет зависеть от конкретных реализуемых мер и мероприятий. Наряду с этим, на наш взгляд, некоторые возможные направления поддержки рынка лизинговых услуг в Казахстане могут включать:

1) Информационно-просветительские кампании: Запуск кампаний по информированию потенциальных клиентов о преимуществах лизинга и о том, как он работает, может помочь увеличить спрос на лизинговые услуги. Программы по финансовой грамотности требуют включения вопросов по лизингу с учетом разъяснения и умения использования всех его преимуществ как с финансовой, правовой так и с технической стороны.

2) Улучшение правовой базы: разработка всеобъемлющей правовой базы для лизинга, разъясняющей права и обязанности как арендодателей, так и арендаторов, могла бы обеспечить большую определенность и уверенность для обеих сторон.

3) Развитие новых продуктов: В Казахстане необходимо внедрить лизинговый продукт для физических лиц по опыту соседних стран. Это даст дополнительный стимул развитию рынка и предоставляет доступ к финансированию широкому слою населения.

4) Финансовая поддержка: Предоставление финансовой поддержки, такой как налоговые льготы или схемы финансирования для лизинговых компаний, может помочь снизить стоимость лизинга и увеличить доступность финансирования.

5) Институциональная поддержка: Создание отраслевых ассоциаций, финансовых регуляторов и государственных органов для поддержки развития лизинговой отрасли и обеспечения руководства, и надзора может помочь создать более благоприятную среду для лизинговых компаний.

6) Сотрудничество с международными партнерами: изучение опыта развитых лизинговых рынков и установление партнерских отношений с международными лизинговыми компаниями может предоставить ценные знания и ресурсы для развития лизинговой отрасли в Казахстане.

7) Нарращивание потенциала: Предоставление обучения и технической помощи лизинговым компаниям и их сотрудникам могло бы помочь приобрести навыки и знания, необходимые для развития и расширения лизинговой отрасли.

8) Конкретные объемы финансирования, необходимые для каждого из этих направлений, будут зависеть от масштаба и объема предпринятых мер, а также от текущего состояния лизинговой отрасли в Казахстане.

Обсуждение

В рамках данной научной работы рассмотрены основные аспекты развития лизингового рынка в Казахстане и его влияния на развитие национальной экономики. Сделан особый акцент на изучении воздействия развитых лизинговых отношений на макроэкономическую среду как внешнюю среду, которая также обусловлено влияет и на развитие лизинговой услуги. В работе дана оценка отдельным инструментам и рычагам реализации государственной поддержки лизинга в Казахстане. Проведенное исследование позволяет обратить внимание исследователей на следующие вопросы, которые могут стать предметом последующих исследований.

1. Выявление основной направленности воздействия лизинга на макроэкономические индикаторы развития национальной экономики, могут быть взяты за основу для проведения более углубленного эмпирического анализа для выявления корреляционно-регрессионной зависимости между лизингом и указанными показателями. Особого внимания требует установление статуса уровня зависимости между зависимой и независимыми переменными по их уровню воздействия прямого или опосредованного.

2. Требуется более расширенного изучения оценки потенциала использования лизинга как инструмента развития МСБ в Казахстане. Данный аспект может быть рассмотрен на примере различных отраслей экономики и типов предприятий, что позволит выявить преимущества и ограничения использования лизинга в контексте развития МСБ.

3. Исследование опыта других стран по развитию лизингового рынка и выявление применимости этих практик в условиях Казахстана. В рамках данного аспекта можно изучить лучшие практики других стран в области новых видов лизингового финансирования (лизинг для физических лиц, лизинг по шариату, операционный лизинг и другие), стимулирования его развития, а также использования лизинга в различных отраслях экономики и на разных этапах жизненного цикла предприятий. Это может стать основой для разработки более эффективных мер по развитию лизингового рынка в Казахстане.

Выводы (полученные результаты)

Результаты исследования показывают, что, лизинг является важным инструментом для развития экономики страны. Лизинг позволяет компаниям получать доступ к необходимым ресурсам без необходимости вложения больших сумм сразу же, что стимулирует рост бизнеса и инвестиций в различные отрасли экономики. Развитие рынка лизинговых услуг также положительно влияет на макроэкономические показатели страны. Лизинг

стимулирует инвестиции в различные отрасли экономики, что приводит к увеличению производства и созданию новых рабочих мест. Кроме того, лизинг позволяет расширять доступность к современному оборудованию и технологиям, что в свою очередь способствует повышению качества продукции и услуг. Эти факторы в свою очередь могут положительно влиять на макроэкономические показатели страны, такие как рост ВВП, увеличение экспорта и снижение безработицы и т.д.

Для развития рынка лизинговых услуг необходима стабильная экономическая и политическая среда, которая обеспечивает предсказуемость для лизинговых компаний и бизнеса в целом. Кроме того, наличие доступного долгосрочного финансирования имеет важное значение для лизинговых компаний и лизингополучателей, так как это помогает им расширять свои портфели и получать доступ к финансированию для приобретения необходимого оборудования и имущества. Значимость лизинга определена и тем, что именно этот инструмент финансирования позволяет использовать все преимущества рационального потребления, что особенно важно в контексте корпоративной социальной ответственности. Более того, именно лизинг демонстрирует большее соответствие принципам ответственного инвестирования и обладает признаками принадлежности шэринг экономике. Развитие лизинговой отрасли способствует инновациям и технологическим достижениям, которые являются ключевыми факторами для развития новых продуктов и увеличения конкурентоспособности экономики страны.

Список источников

1. Статистические данные Казахстана [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [web-портал]. – 2023. – URL: <https://stat.gov.kz/search> (дата обращения: 03.03.2023) (электронный ресурс)
2. Статистические данные ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия [web-сайт]. – URL: http://www.eurasian-commission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx (Дата обращения: 03.03.2023).
3. Авторынок РК итоги 2022 года в цифрах [Электронный ресурс] // Ассоциация казахстанского автобизнеса (АКАБ) [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://akab.kz/avtorynok-rk-itogi-2022-goda/> (Дата обращения: 03.03.2023).
4. Машаев А. За счет чего вырос новый рынок лизинга в 2021 году [web-сайт]. – 2022. – URL: <https://kz.kursiv.media/2022-09-15/za-schet-chego-vyros-novyj-rynok-lizinga-v-2021-godu/> (Дата обращения: 03.03.2023).
5. Перфильев А. Рынок лизинга по итогам девяти месяцев 2022 года: держит удар [web-сайт]. – 2022. – URL: <https://www.raexpert.ru/researches/leasing/9m2022/> (Дата обращения: 03.03.2023).
6. Урпежанов С.Б., Адамбекова А.А., Рынок лизинговых услуг Казахстана: реалии и новые вызовы, 2022 – DOI: 10.52821/2789-

4401-2021-5-115-126

7. Dyussebekova G., Reshina G., Primbetova S., Sultanova M., Beisembayeva G. Role and importance of the damu enterprise development fund and international investment funds in implementing project and leasing financing programs in Kazakhstan, 2019 – DOI: 10.20896/saci.v6i5.442.
8. Aimurzina B., Kamenova M., Omarova A., Bodaubayeva G., Dzhunusova A., Kabdullina G. Major sources of financing investment projects, 2019 – DOI: 10.9770/jesi.2019.7.2(53)
9. Huseynova S. M. Directions of Formation of Favorable Competitive Environment in Azerbaijan's Leasing Services Market // Universal Journal of Accounting and Finance. – 2021. – № 9(1). – P. 116-121. – DOI: 10.13189/ujaf.2021.090112.
10. В новые предприятия планируют вложить 11 трлн тенге [Электронный ресурс] // Kapital.kz [web-сайт]. – 2021. – URL: <https://kapital.kz/economic/100104/v-novyie-predpriyatiya-planiruyut-vlozhit-11-trln-tenge.html> (Дата обращения: 03.03.2023).
11. Анализ рынка лизинговых компаний Казахстана [Электронный ресурс] // АО «ФРП Даму» [web-сайт]. – Май 2021. – URL: <https://damu.kz/poleznaya-informatsiya/informatsiya-fonda/analitika/> (Дата обращения: 03.03.2023).
12. Национальное Рейтинговое Агентство. Рынок лизинга 2023: восстановительный рост и повышенные риски, [web-сайт]. – январь 2023. – URL: <https://www.ra-national.ru/analitika/rynok-lizinga-2023-vosstanovitelnyj-rost-i-povyshennyye-riski/> (Дата обращения: 03.03.2023).
13. Лизинговый рынок зарубежных стран [Электронный ресурс] // АО «Фонд развития промышленности» [web-сайт]. – 2021. – URL: <https://idfrk.kz/ru/investors/analytics/> (Дата обращения: 03.03.2023).
14. Финансовая отчетность предприятий [Электронный ресурс] <https://ori.dfo.kz/p/> (Дата обращения: 03.03.2023).
15. Фахрутдинов А. Казахстанских фермеров начнут кредитовать по-новому – 2023. – URL: <https://kz.kursiv.media/2023-02-13/lbrt-kabmin/> (Дата обращения: 03.03.2023).
16. Об утверждении Концепции индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2021–2025 годы, Постановление Правительства Республики Казахстан от 20 декабря 2018 года № 846 [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2018. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000846> (Дата обращения: 03.03.2023).

References:

1. Statistical data of Kazakhstan. (2023). [n.d.] Website of the Bureau of national statistics of the Agency for strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan. Retrieved March 03, 2023, from <https://stat.gov.kz/search> (In Russian).
2. Statisticheskie dannye EAES. (n.d.). Official website of the Eurasian Economic Commission., from http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx (Retrieved March 03, 2023) (In Russian).
3. Avtorynok RK itogi 2022 goda v cifrah. [n.d.] (2023). The Association of Kazakhstan Automobile Business (AKAB) website. URL: <https://akab.kz/avtorynok-rk-itogi-2022-goda/> (Retrieved March 03, 2023) (In Russian).
4. Mashaev A. Za schet chego viros novii rinok lizinga v 2021 godu [web-site]. – 2022. – URL: <https://kz.kursiv.media/2022-09-15/za-schet->

chego-vyros-novyj-rynok-lizinga-v-2021-godu/ (Retrieved March 03, 2023) (In Russian).

5. Perfilov A. Rinok lizinga po itogam devyati mesyacev 2022 goda_ derjit udar [web-site]. – 2022. – URL: <https://www.raexpert.ru/researches/leasing/9m2022/> (Retrieved March 03, 2023) (In Russian).
6. Urpejanov S.B., Adambekova A.A. Rinok lizingovyh uslug Kazahstana_ realii i novie vizovi, 2022 – DOI: 10.52821/2789-4401-2021-5-115-126
7. Dyussebekova G., Reshina G., Primbetova S., Sultanova M., Beisembayeva G. Role and importance of the damu enterprise development fund and international investment funds in implementing project and leasing financing programs in Kazakhstan, 2019 – DOI: 10.20896/saci.v6i5.442.
8. Aimurzina B., Kamenova M., Omarova A., Bodaubayeva G., Dzhunusova A., Kabdullina G. Major sources of financing investment projects, 2019 – DOI: 10.9770/jesi.2019.7.2(53)
9. Huseynova S. M. Directions of Formation of Favorable Competitive Environment in Azerbaijan's Leasing Services Market // Universal Journal of Accounting and Finance. – 2021. – № 9(1). – P. 116-121. – DOI: 10.13189/ujaf.2021.090112.
10. V novye predpriyatiya planiruyut vlozhit' 11 trln tenge. [n.d.] (2021). Kapital.kz., from <https://kapital.kz/economic/100104/v-novyie-predpriyatiya-planiruyut-vlozhit-11-trln-tenge.html> (Retrieved March 03, 2023) (In Russian).
11. Analiz rynka lizingovyh kompanij Kazahstana. (May, 2021). Damu Entrepreneurship Development Fund JSC website. from <https://damu.kz/poleznaya-informatsiya/informatsiya-fonda/analitika/> (Retrieved March 03, 2023) (In Russian).
12. Nacionalnoe Reitingovoe Agentstvo. Rinok lizinga 2023: vosstanovitel'nyj rost i povyshennyye riski, [web-site]. – January 2023. – URL: <https://www.ra-national.ru/analitika/rynok-lizinga-2023-vosstanovitelnyj-rost-i-povyshennyye-riski/> (Retrieved March 03, 2023) (In Russian)
13. Lizingovyy rynek zarubezhnyh stran. [n.d.] (2021). Industrial development fund JSC website. Retrieved March 03, 2023, from <https://idfrk.kz/ru/investors/analytics/> (Retrieved March 03, 2023) (In Russian).
14. Finansovaya otchetnost predpriyatii [n.d.] <https://opi.dfo.kz/p/> (Retrieved March 03, 2023) (In Russian).
15. Fahrutdinov A. Kazahstanskij fermerov nachnut kreditovat po_novomu – 2023. – URL: <https://kz.kursiv.media/2023-02-13/lbrt-kabmin/> (Retrieved March 03, 2023) (In Russian).
16. Ob utverzhenii Konceptii industrialno_innovacionnogo razvitiya Respubliki Kazahstan na 2021 – 2025 godi_ Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazahstan ot 20 dekabrya 2018 goda № 846 [n.d.] // Adilet [web-site]. – 2018. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000846> (Retrieved March 03, 2023) (In Russian).

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ МОНОГОРОДОВ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

**Зауреш Ахметова¹,
Наталия Товма²,
Нурсултан Шуренов³**

¹ к.э.н., ассоциированный профессор (доцент),
заведующая кафедрой «Бизнес-технологии» КазНУ им.
аль-Фараби (Казахстан),

² доктор (PhD), зам. зав. кафедрой «Бизнес-технологии»
по НИД и МС КазНУ им. аль-Фараби (Казахстан),
e-mail: nataliya-tovma@mail.ru

³ старший преподаватель кафедры «Бизнес-технологии»
КазНУ им. аль-Фараби (Казахстан)

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-3.06>

Аннотация. Много лет остаются нерешенными проблемы развития моногородов Республики Казахстан. За последние годы обострилось депрессивное состояния моногородов. Настоящая статья посвящена развитию демографического потенциала моногородов Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. В исследовании использовались методы сравнения, сопоставления, экстраполяции и бенчмаркинга. Особое внимание уделено анализу демографических показателей моногородов Восточно-Казахстанской области за 10 лет. На основе проведенного анализа рассчитан демографический прогноз развития моногородов до 2030 года. Определены факторы, влияющие на развитие демографического потенциала моногородов. Авторами предпринята попытка рассчитать коэффициент демографического роста моногородов за 10 лет, который показывает оценку рассматриваемых поселений по величине и темпам прироста демографических показателей, а также учитывает сальдо миграции. Предложен алгоритм действий по развитию моногородов.

Ключевые слова: *моногорода, демографические тенденции, демографическая устойчивость, анализ демографического развития*

ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ОБЛЫСЫНДАҒЫ МОНОҚАЛАЛАРДЫҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ТЕНДЕНЦИЯЛАРЫН ТАЛДАУ

Зауреш Ахметова¹, Наталия Товма², Нұрсұлтан Шүренев³

¹ Экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (доцент), әл-Фараби атындағы ҚазҰУ «Бизнес – технологиялар» кафедрасының меңгерушісі (Қазақстан),

² Доктор (PhD), әл-Фараби атындағы ҚазҰУ «Бизнес-технологиялар» кафедра меңгерушісінің ғылыми-инновациялық жұмыс және халықаралық байланыстар жөніндегі орынбасары (Қазақстан), e-mail: nataliya-tovma@mail.ru

³ Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ «Бизнес-технологиялар» кафедрасының аға оқытушысы (Қазақстан)

Аңдатпа. Көп жылдар бойы Қазақстан Республикасындағы моноқалаларды дамыту мәселелері шешілмей келеді. Соңғы жылдары моноқалалардың депрессиялық жағдайы ушығып кетті. Бұл мақала Шығыс Қазақстан облысындағы моноқалалардың демографиялық әлеуетін дамытуға арналған. Зерттеуде салыстыру, сәйкестендіру, экстраполяция және бенчмаркинг әдістері қолданылды. Шығыс Қазақстан облысындағы моноқалалардың соңғы 10 жылдағы демографиялық көрсеткіштерін талдауға ерекше назар аударылады. Жүргізілген талдау негізінде 2030 жылға дейінгі моноқалалардың демографиялық дамуының болжамы есептелді. Моноқалалардың демографиялық әлеуетінің дамуына әсер ететін факторлар анықталды. Авторлар соңғы 10 жылдағы моноқалалардың демографиялық даму индексін есептеуге әрекеттенді, ол қарастырылып отырған қалалардың көлемі мен демографиялық көрсеткіштерінің өсу қарқыны бойынша бағасын көрсетеді, сонымен қатар көші-қон балансын ескереді. Моноқалаларды дамыту бойынша іс-шаралар алгоритмі ұсынылды.

Түйін сөздер: моноқалалар, демографиялық үрдістер, демографиялық тұрақтылық, демографиялық дамуды талдау.

ANALYSIS OF DEMOGRAPHIC TRENDS OF MONOCITIES IN EAST KAZAKHSTAN REGION

Zauresh Akhmetova¹, Nataliya Tovma², Nursultan Shurenov³

¹ PhD in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Business Technologies, al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

² PhD, Deputy head Department of "Business technologies" of al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan), e-mail: nataliya-tovma@mail.ru

³ Senior Lecturer of the Department of "Business Technologies" al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Annotation. The development of single-industry towns has been one of the main problems of Kazakhstan for many years. The depressive state of single-industry towns has worsened. This article is devoted to the development of the demographic potential of single-industry towns in the East Kazakhstan region of the Republic of Kazakhstan. The study used methods of comparison, matching, extrapolation and benchmarking. Particular attention is paid to the analysis of the demographic indicators of single-industry towns in the East Kazakhstan region of Kazakhstan for 10 years. Based on the analysis carried out, a demographic forecast for the development of single-industry towns until 2030 was calculated. The factors influencing the development of the demographic potential of single-industry towns are determined. The authors attempted to calculate the index of demographic development of single-industry towns for 10 years, which shows the assessment of the settlements under consideration in terms of size and growth rate of demographic indicators and considers the balance of migration. An algorithm of actions for the development of single-industry towns is proposed.

Key words: *single-industry towns, demographic trends, demographic stability, analysis of demographic development.*

Введение

В Республике Казахстан развитие моногородов является одним из актуальных вопросов на сегодняшний день, так как в них особенно выражены социально-экономические проблемы и негативные демографические процессы. В особенности в последние годы наблюдается такая тенденция, что чем меньше город, тем выше демографическая депрессия и выше потери населения. Современным моногородам Казахстана присущи множество проблем, в частности:

- экономические проблемы: остановка или угроза градообразующего предприятия, низкая диверсификация экономики города, высокая степень зависимости городского бюджета от налоговых поступлений, сокращение налоговой базы;
- экологические проблемы из-за высокой экологической нагрузки со стороны градообразующего предприятия;
- проблемы жизнеобеспечивающей инфраструктуры по причине высокой степени износа;
- социальные проблемы: высокий уровень безработицы, низкий уровень доходов населения, в следствие чего происходит сокращение численности и отток населения.

В Стратегии «Казахстан -2050» отмечается необходимость развития моногородов [1]. Особое внимание данному вопросу уделено в

Национальном плане развития Республики Казахстан до 2025 года, где отмечается необходимость развития альтернативных производств в целях диверсификации экономики моногородов [2]. В Послании от 1 сентября 2020 года Президент РК К.К. Токаев поднял вопрос по развитию моногородов и активному привлечению градообразующих предприятий для придания моногородам «второго» дыхания [3].

К сожалению, на данный момент не имеется четкой стратегии и политики развития моногородов Республики Казахстан. Первоочередную роль в выстраивании четкой политики и стратегии развития по отношению к этим городам играет изучение демографических тенденций в них.

В последние годы наблюдается сильный отток населения из моногородов, что также создает проблему для дальнейшего их развития. Поэтому все большую актуальность приобретает изучение демографических тенденций и условий демографической устойчивости моногородов.

Ученые изучают и предлагают разные способы решения проблемы возрождения моногородов. Зарубежом социальные проблемы, связанные с оттоком населения изучал такой ученый как Bosker M. [4]. Проблемы безработицы связанные с миграцией населения в моногородах за рубежом исследовал в своих трудах Rollwagen K. [5]. Проблемы развития моногородов и демографические тенденции отражены также в работах Shastitko, A., Fatikhova, A. [6].

Среди ученых стран СНГ многие также исследовали демографический потенциал моногородов. В частности, Клейменова Е.О., Чулакова А.О. с целью возрождения моногородов и снижения оттока населения в них предлагают развивать промышленный туризм [7]. Антонов, И.П. Иванова предлагают решать социальные проблемы, связанные с демографической ситуацией в моногородах на основе диверсификации экономики [8]. Оценкой демографического потенциала моногородов занимались такие ученые как: Безвербный В.А., Смирнов О.О., Мирязев Т.Р., которые предлагают оценивать демографический потенциал моногородов по 14 критериям: 7 экономическим и 7 демографическим. В частности предлагают учитывать: общий коэффициент естественного прироста населения; общий коэффициент миграционного прироста населения; долю трудоспособного населения в общей численности населения; долю людей младшего возраста к общей численности населения; коэффициент демографической нагрузки; специальный коэффициент рождаемости; доля занятого трудоспособного населения; оборот розничной торговли; среднемесячную заработную плату; объем отгруженных товаров; прибыль организаций на территории муниципального образования, доходы муниципального бюджета; отношение собственных доходов к расходам муниципального бюджета и т.д [9].

Ильина И.Н. утверждает, что на развитие демографического потенциала моногородов влияют развитие человеческого потенциала и

инфраструктуры. [10].

Фаузер В.В., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. в своих работах оценивают демографическую устойчивость моногородов [11].

Казахстанские ученые Сатыбалдин А.А., Нурланова Н.К. в своих исследованиях изучают проблему оттока населения в моногородах и депрессивных регионах страны [12]. Сатыбалдин А.А., Нурланова Н.К., Киреева А.А. делали оценку социальных проблем и демографических тенденций в моногородах Казахстана [13]. Сайымова М. Д., Дуйсенбаева Б.Б., Демеуова Г.К. предлагают применять концепцию инновационного развития моногорода для того, чтобы привлечь в моногорода молодое трудоспособное население [14, 15].

Асанова Г.Б., Нурсейтова Г.Б. в своих трудах анализировали отток населения из моногородов и предлагают решить эту проблему с помощью поправок в государственные программы, направленные на развитие моногородов [16,17].

Крюкова Е.М. предлагает развивать инфраструктуру моногородов, что приведет к улучшению социальных проблем [18]. Бокаев Б.Н., Абенов С.А. рассматривают такие проблемы как занятость и безработица в моногородах, которые можно решить с помощью малого и среднего бизнеса в моногородах [19].

Несмотря на широкое освещение проблемы моногородов в научной литературе, во многом игнорируются вопросы, связанные с критериями отнесения моногородов Республики Казахстан по демографической устойчивости, прогноз ожидаемой численности населения, не изучены факторы, влияющие на демографический потенциал моногородов, не исследованы методики оценки демографического развития моногородов, не разработан алгоритм действий по развитию моногородов.

Цель исследования – изучить демографический потенциал развития моногородов (на примере моногородов Восточно-Казахстанской области).

Задачи исследования:

- провести анализ демографических показателей моногородов Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан за последние 10 лет;
- рассчитать демографический прогноз развития моногородов Восточно-Казахстанской области до 2030 год;
- выявить факторы, влияющие на демографический потенциал развития моногородов Восточно-Казахстанской области;
- рассчитать индекс демографического развития моногородов Восточно-Казахстанской области за 10 лет, который показывает оценку рассматриваемых поселений по величине и темпам прироста демографических показателей, а также учитывает сальдо миграции;
- предложить алгоритм действий по развитию моногородов.

Методология исследования

Исследование проводилось в пять этапов.

На первом этапе был проведен анализ основных демографических показателей моногородов Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан за последние 10 лет. Для этого использовались методы: сравнения и сопоставления.

На втором этапе рассчитан прогноз демографического потенциала развития моногородов на 2030 год. Для этого использовался метод экстраполяции.

На третьем этапе были выявлены факторы, влияющие на развитие моногородов Республики Казахстан за последние 10 лет.

На четвертом этапе рассчитан коэффициент демографического роста Восточно-Казахстанской области моногородов Республики Казахстан.

На пятом этапе разработан алгоритм развития моногородов Восточно-Казахстанской области и улучшения демографического потенциала на основе применения метода бенчмаркинга.

Гипотеза исследования – внедрение алгоритма развития демографического потенциала моногородов позволит улучшить показатели демографического развития моногородов.

Результаты исследования и их обсуждение

За последние 10 лет наблюдаются значительные изменения в демографическом потенциале моногородов. Нами проанализированы основные демографические показатели развития моногородов за последние 10 лет (таблица 1).

Таблица 1. Демографические показатели по моногородам Восточно-Казахстанской области

Моно-город	Демографические показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Риддер	Численность населения на конец периода, тыс. человек	58,1	58,1	58,0	57,8	57,5	57,1	56,5	55,9	52,7	52,1
	Естественный прирост, человек	-100	-16	-31	-118	-92	-183	-206	-305	-435	-333
	Сальдо миграции по всем потокам, человек	15	80	5	-87	-207	-251	-446	-257	-346	-247
	Отклонения, в %	-	-	-1%	-3%	-0,5%	-1,09	-1,06	-1 %	-6%	-1,1%
Алтай	Численность населения на конец периода, тыс. человек	38,0	37,6	37,0	36,7	36,4	36,1	35,4	35,1	36,5	36,1
	Естественный прирост, человек	-6	-138	-185	-182	-203	-174	-291	-244	-464	-242
	Сальдо миграции по всем потокам, человек	-1	-166	-330	-224	-78	-84	-380	-52	-76	-118
	Отклонения, в %	-	-1,06	-1,5%	-1,1	-0,8%	-0,8%	-1,9%	-0,0008%	-3,8%%	-1,1%

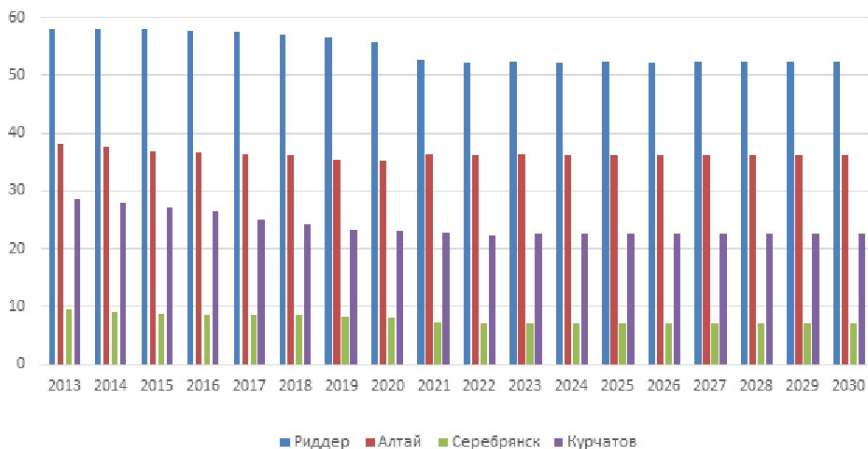
Серебрянск	Численность населения на конец периода, тыс. человек	9,4	8,9	8,8	8,6	8,6	8,4	8,3	8,1	7,2	7,1
	Естественный прирост, человек	-75	-60	-28	-38	-37	-79	-35	-49	-96	-60
	Сальдо миграции по всем потокам, человек	-225	-107	-131	-158	12	-70	-118	-81	-51	-69
	Отклонения, в %	-	-5,6	-1,1	-0,2	-	-2,38%	-0,12%	-0,2%	-12%	-0,14%
Курчатов	Численность населения на конец периода, тыс. человек	28,7	27,9	27,1	26,4	25,1	24,3	23,4	23,0	22,8	22,4
	Естественный прирост, человек	198	246	210	196	165	156	152	190	133	144
	Сальдо миграции по всем потокам, человек	-962	-1 034	-1 043	-912	-1 421	-939	-1 087	-622	-758	-627
	Отклонения, в %		-2	-2,9	-2%	-5,17%	-3,2%	-3 %	-1,7	-0,8	-1,7

Примечание: Составлено авторами на основе данных агентства по статистике Республики Казахстан <https://old.stat.gov.kz/region/264990/dynamic>

Из таблицы 1 следует, что в моногороде Риддер продолжается отток населения. Существенной причиной негативного тренда трудовой мобильности выступают тяжелые условия труда. В Серебрянске и Курчатове отток населения порожден многолетним отсутствием работы. Сохраняется достаточный миграционный потенциал, особенно в городе Алтай.

Демографические показатели могут измениться за несколько лет. Поэтому нами предпринята попытка рассчитать демографический прогноз развития моногородов до 2030 года, используя метод экстраполяции (рисунок 1).

Рисунок 1. Прогноз ожидаемой численности население в моногородах Восточно-Казахстанской области к 2030 году



Примечание: Рассчитано авторами в Excel на основе таблицы 1

Полученные результаты свидетельствуют о негативном демографическом прогнозе развития моногородов. Падение численности приведет к возникновению потенциального дефицита рабочей силы.

Определим факторы, влияющие на развитие демографического потенциала моногородов. Так И. Ильина выделяет 2 фактора, влияющие на развитие демографического потенциала моногородов: человеческий капитал и инфраструктура [10]. Нам представляется, что развитие демографического потенциала моногородов не ограничивается только этими двумя показателями, но зависит от ряда других показателей, в частности: развитие человеческого капитала, инфраструктуры, развитие государственно-частного партнёрства, малого и среднего бизнеса, туризма, инвестиции, образование, здравоохранение, экология.

Фаузер В.В., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. [11] предложили следующие уровни и критерии демографической устойчивости моногородов: демографически устойчивые, демографически относительно устойчивые, демографическая устойчивость критическая.

Нами предпринята попытка определить моногорода Восточно-Казахстанской области по критериям устойчивости: демографически устойчивы, демографически относительно устойчивы, демографически относительно неустойчивы, демографическая устойчивость критическая, демографическая устойчивость отсутствует. Данные критерии выбраны потому, что они соответствуют критериям устойчивого развития ООН (таблица 2).

Таблица 2. Критерии демографической устойчивости моногородов

№	Критерий устойчивости	Показатель	Моногорода
1	Демографически устойчивы	Рост населения	
2	Демографически относительно устойчивы	Убыль населения не более 5%	Алтай
3	Демографически относительно неустойчивы	Убыль населения от 5% до 20%	Курчатов, Риддер, Серебрянск,
4	Демографическая устойчивость критическая	Убыль населения от 20 до 40%,	
5	Демографическая устойчивость отсутствует	Демографические потери невосполнимы, что ведет к смене статуса и ликвидации города свыше 40%	

Примечание: Составлено авторами на основе источника 11 и таблицы 1

Исходя из данных критериев моногорода Риддер, Серебрянск, Курчатов можно отнести к относительно неустойчивым городам, так как в них наблюдается убыль населения более 5%, а Алтай можно отнести к демографическим относительно устойчивым моногородом, так как отток населения в нем менее 5%.

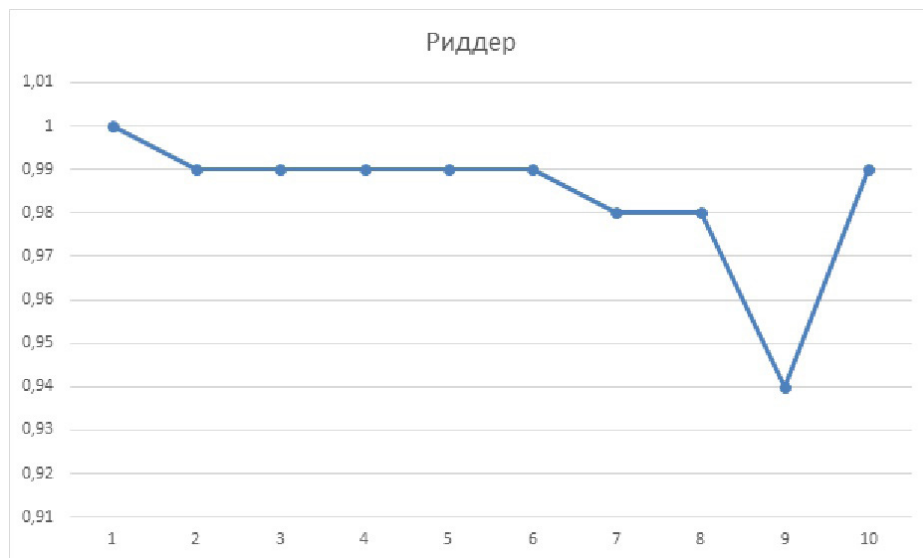
Для выявления тенденций развития необходимо проводить оценку демографического потенциала моногородов. Безвербный В.А., Смирнов О.О., Миразев Т.Р. предлагают оценивать социально-демографический потенциал с помощью индекса экономико-демографического развития моногородов [9]. Для оценки демографического потенциала предлагается оценивать коэффициент демографического роста, который находится отношением уровня ряда динамики в i -м году к базисному году

$$K_p = Y_i / Y_{i-1} \quad (1)$$

Где: K_p - коэффициент демографического роста,
 Y_i - численность населения на конец года,
 Y_{i-1} – численность населения предыдущего года.

Исходя из данных таблицы 1, рассчитаем коэффициент демографического роста по моногородам Восточно-Казахстанской области.

Рисунок 2. Коэффициент демографического роста моногорода Риддера



Примечание: Составлено авторами на основе данных таблицы 1

Данные рисунка 2 свидетельствуют о том, что коэффициент демографического роста моногорода Риддер ухудшается резко, затем

идет тенденция к росту. Город Риддер можно отнести к относительно неустойчивому городу. Необходимо предпринимать меры для улучшения индекса демографического развития города Риддер. Рассмотрим индекс демографического развития моногорода Алтай (рисунок 3).

Рисунок 3. Коэффициент демографического роста моногорода Алтай



Примечание: Составлено авторами на основе данных таблицы

По данным рисунка 3 стоит отметить, что коэффициент демографического роста моногорода Алтай имеет тенденцию и к уменьшению и к увеличению и наблюдается положительная динамика, что подтверждает, что моногород Алтай можно отнести к демографически относительно устойчивому моногороду.

Рассмотрим демографическое развитие моногорода Серебрянск.

Рисунок 4. Коэффициент демографического роста моногорода Серебрянск



Примечание: Составлено авторами на основе данных таблицы 1

По данным рисунка 4 отмечается, что происходит увеличение и уменьшение демографических показателей города Серебрянск. Моногород Серебрянск можно отнести к относительно неустойчивому моногороду.

Рассмотрим индекс демографического развития моногорода Курчатов (рисунок 5).

Рисунок 5. Коэффициент демографического роста моногорода Курчатов

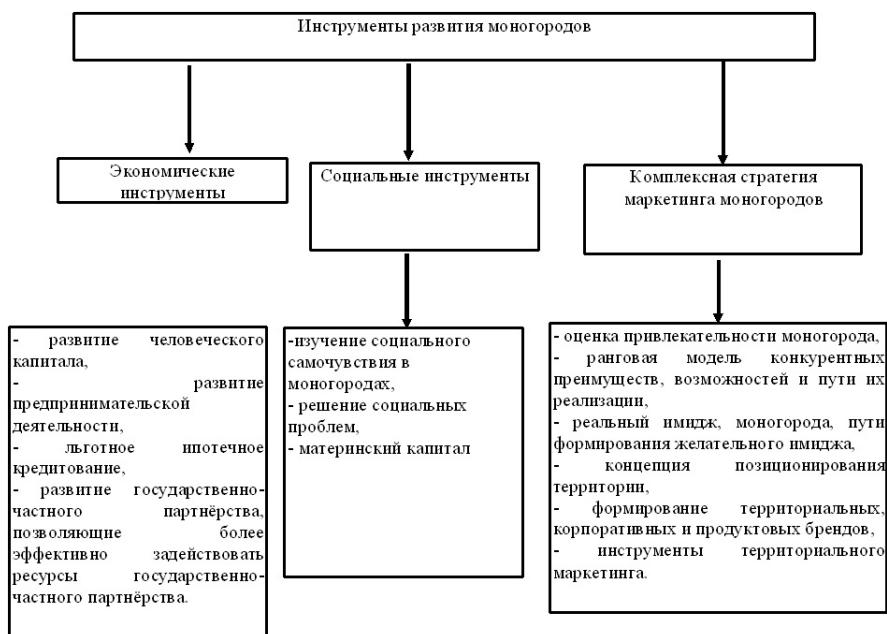


Примечание: составлено авторами на основе данных таблицы 1

По данным рисунка 5 можно отметить, что отмечается падение коэффициента демографического роста моногорода Курчатов, поэтому также подтверждается гипотеза, что Курчатов можно отнести к относительно неустойчивому моногороду.

Изменение демографических тенденций и, прежде всего, миграция населения потребует значительных инвестиций. Так, остановить отток жителей из моногородов может развитие и приведение городской инфраструктуры к современному уровню. Таким образом необходимо выработать алгоритм действий по улучшению демографических процессов в моногородах. На основе метода бенчмаркинга предлагаем алгоритм действий по улучшению демографического потенциала моногородов (рисунок 6).

Рисунок 6. Алгоритм действий по улучшению демографического потенциала развития моногородов Восточно-Казахстанской области



Примечание: разработано авторами на основе изучения потенциала развития моногородов Восточно-Казахстанской области

Алгоритм действий по улучшению демографического положения в моногородах включает в себя: экономические, социальные инструменты и комплексную стратегию маркетинга. Экономические инструменты, направлены на развитие человеческого капитала, предпринимательской деятельности, льготного ипотечного кредитования, развития государственно-частного партнерства, позволяющего более эффективно задействовать ресурсы государственно-частного партнерства. Социальные инструменты включают в себя: изучение социального самочувствия в моногородах, направлены на решение социальных проблем. Для возрождения моногородов необходимо проводить комплексную оценку стратегии развития моногородов, которая включает: оценку привлекательности моногорода, ранговую модель конкурентных преимуществ, возможностей и пути их реализации, должен создаваться реальный имидж моногорода, путем формирования желательного имиджа, должна быть концепция позиционирования территории и должен формироваться территориальный, корпоративный, продуктовый бренд, должны применяться инструменты территориального маркетинга.

Предложенный алгоритм действий позволит улучшить демографическое положения моногородов.

Выводы (заключение)

Проведенный анализ развития моногородов Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан позволяет сделать ряд выводов и предложений.

1 Происходит ежегодное сокращение численности населения в течение 10 лет. На основе проведенного анализа выявлены ежегодное снижение численности в моногородах Риддер, Серебрянск и Курчатов, в том числе есть снижение более 5%, поэтому данные моногорода отнесены к относительно неустойчивым городам. В моногороде Алтай наблюдается положительная динамика численности населения, убыль населения менее 5%, поэтому его можно отнести к демографическим относительно устойчивому моногороду.

2 Сделан прогноз развития моногородов до 2030 года для моногородов Восточно-Казахстанской области, который также показывает, что, если не предпринимать никаких мер, численность населения будет сокращаться.

3 Определены факторы, влияющие на демографический потенциал моногородов: развитие человеческого капитала, инфраструктуры, развитие государственно-частного партнёрства, малого и среднего бизнеса, туризма, инвестиции, образование, здравоохранение, экология. При этом больше влияние на отток населения оказывают два фактора – инвестиции и человеческий капитал.

4 Для оценки демографического потенциала предлагается оценивать индекс демографического развития моногородов, который показывает оценку рассматриваемых поселений по величине и темпам прироста демографических показателей, а также учитывает сальдо миграции. На основе данного индекса можно определить: демографически устойчивые моногорода, относительно устойчивые моногорода, неустойчивые, устойчивость критическая, устойчивость отсутствует.

5 Предложен алгоритм действий по улучшению демографических процессов в моногородах, который включает в себя: экономические инструменты, социальные инструменты и комплексную стратегию маркетинга, моногородов.

6 Таким образом данные рекомендации будут способствовать переходу моногородов Восточно-Казахстанской области из категории демографически неустойчивые города к относительно демографическим устойчивым городам, в частности моногорода Риддер, Серебрянск, Алтай.

Статья подготовлена по программе BR18574200 «Возрождение моногородов в условиях создания Нового Казахстана на основе территориального маркетинга» в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Список литературы

1. Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» 14 декабря 2012 г. – URL: https://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazakhstana-strategiya-kazakhstan-2050-novyj-politicheskij
2. Национальный план развития Республики Казахстан до 2025. Указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года №636. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38490966&show_di=1&pos=12;-51#pos=12;-51
3. Послание Главы государства К.К. Токаева народу Казахстана «Казахстан в новой реальности: время действий» 1 сентября 2020 г. – URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstana-1-sentyabrya-2020-g
4. Bosker, M. (2022). City origins. *Regional Science and Urban Economics*, 94, [103677]. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2021.103677>
5. Rollwagen, K. (2007). When Ghosts Hovered: Community and Crisis in a Company Town, Britannia Beach, British Columbia, 1957-1965. *Urban History Review / Revue d'histoire urbaine*, 35(2), 25–36. <https://doi.org/10.7202/1015919ar>
6. Shastitko, A., & Fatikhova, A. (2015). Monotowns: a new take on the old problem. *Baltic Region* (1), 4-24.
7. Клейменова Е.О., Чулакова А.О. Диверсификация экономики моногородов за счет развития промышленного туризма // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2014 г.). – СПб.: Сатис, 2014. – VI, 128 с. С. 256-259.
8. Антонов Г.Д. Развитие моногородов машиностроительной отрасли на основе диверсификации / Г. Д. Антонов, О. П. Иванова, И. С. Антонова // Актуальные проблемы современного машиностроения: сборник трудов Международной научно-практической конференции, г. Юрга, 11-12 декабря 2014 г. – Томск : Изд-во ТПУ, 2014. – [С. 405-410].
9. Безвербный В. А. Тенденции социально -экономического и демографического развития моногородов Урала / В. А. Безвербный, О. О. Смирнов, Т. Р. Мирязов // Глобальные вызовы демографическому развитию: сборник научных статей в 2-х томах. – Т. II. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. – С. 64-76. – DOI: 10.17059/udf-2022-4-6.
10. Развитие моногородов России: монография / колл. авт. под ред. д-ра экон. наук, проф. И.Н. Ильиной. М.: Финансовый университет, 2013. 168 с. ISBN 978-5-7942-1036-1
11. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Демографическая оценка устойчивого развития малых и средних городов российского Севера // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 2. С. 552-569. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14>
12. Политика пространственного развития экономики Казахстана: новые принципы, ключевые приоритеты и механизмы реализации. Колл. монография. Под ред. А.А. Сатыбалдина, Н.К. Нурлановой. Алматы: ИЭ КН МОН РК. 2017. – 484 с. ISBN 978-601-215-153-8
13. Нурланова Н.К., Сатыбалдин А.А., Киреева А.А. Методические основы и практика оценки потенциала развития и экономической специализации регионов Казахстана. Под ред. А.А. Сатыбалдина.

- Алматы: ИЭ КН МОН РК. 2016 г. – 74 с. (брошюра) ISBN 978-601-215-138-1
14. Сайымова, М. Д. Основные факторы по реализации стратегии индустриально-инновационного развития в регионах Казахстана / М. Д. Сайымова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2010. – № 1-2 (13). – Т. 1. – С. 253-256. – URL: <https://moluch.ru/archive/13/1165/> (дата обращения: 06.07.2023).
 15. М.Д.Сайымова, Б.Б. Дүйсенбаева, Г.К.Демеева. Қазақстандағы моноқалалардың даму мәселелері // Статистика, есеп және аудит №2 (73), 2019. Б. 159-164.
 16. Г.Б. Асанова, Г.Б.Нұрсейтова «Қазақстан Республикасындағы моноқалаларды дамыту бағдарламаларын талдау». Central Asian Economic Review. 2022;(1):73-85. DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2022-1-73-85>
 17. G. B. Nurseiytova, G. B. Assanova «Opportunities for increasing investment attractiveness of small towns». News of the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of social and human sciences. Volume 3, Number 331 (2020), 294 – 301. ISSN 2224-5294 <https://doi.org/10.32014/2020.2224-5294.95>
 18. Крюкова Е.М. Особенности финансирования инфраструктуры моногорода Байконур (Республики Казахстан) из Федерального бюджета Российской Федерации // Социальная политика и социология №4 (105), том 1, 2014 г. С.32-43.
 19. Бокаев Б.Н., Абенев С.А. Совершенствование государственной политики по устойчивому развитию моногорода: результаты эмпирических данных (кейс г. Жезказган) // ВЕСТНИК КазНПУ им. Абая, серия «Социологические и политические науки», №2 (74), 2021 г. С. 30-40. <https://doi.org/10.51889/2021-2.1728-8940.05>

References

1. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan - Lidera natsii Nursul-tana Nazarbaeva narodu Kazakhstan «Strategiya «Kazakhstan-2050»: novyi po-liticheskii kurs sostryavshegosya gosudarstva» 14 dekabrya 2012 g. – URL: https://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-lidera-natsii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazakhstan-strategiya-kazakhstan-2050-novyi-politicheskii-
2. Natsional'nyi plan razvitiya Respubliki Kazakhstan do 2025. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 15 fevralya 2018 goda №636. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38490966&show_di=1&pos=12;-51#pos=12;-51
3. Poslanie Glavy gosudarstva K.K. Tokaeva narodu Kazakhstan «Kazakhstan v novoi real'nosti: vremya deistvii» 1 sentyabrya 2020 g. – URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstan-1-sentyabrya-2020-g
4. Bosker, M. (2022). City origins. Regional Science and Urban Economics, 94, [103677]. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2021.103677>
5. Rollwagen, K. (2007). When Ghosts Hovered: Community and Crisis in a Company Town, Britannia Beach, British Columbia, 1957-1965. Urban History Review / Revue d'histoire urbaine, 35(2), 25–36. <https://doi.org/10.7202/1015919ar>
6. Shastitko, A., & Fatikhova, A. (2015). Monotowns: a new take on the old problem. Baltic Region (1), 4-24.
7. Kleimenova E.O., Chulakova A.O. Diversifikatsiya ehkonomiki monogorodov za schet razvitiya promyshlennogo turizma // Problemy i perspektivy ehkonomiki i upravleniya: materialy III Mezhdunar. nauch.

- konf. (g. Sankt-Peterburg, dekabr' 2014 g.). – Spb.: Satis, 2014. – VI, 128 s. S. 256-259.
8. Antonov G.D. Razvitie monogorodov mashinostroitel'noi otrasli na osnove diversifikatsii / G. D. Antonov, O. P. Ivanova, I. S. Antonova // Aktual'nye problemy sovremennogo mashinostroeniya: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Yurga, 11-12 de-kabrya 2014 g. – Tomsk : Izd-vo TPU, 2014. – [S. 405-410].
 9. Bezverbnyi V. A. Tendentsii sotsial'no -ehkonomicheskogo i demograficheskogo razvitiya monogorodov Urala / V. A. Bezverbnyi, O. O. Smirnov, T. R. Miryazov // Global'nye vyzovy demograficheskomu razvitiyu: sbornik nauchnykh statei v 2-kh tomakh. – T. II. – Ekaterinburg: Institut ehkonomiki URO RAN, 2022. – S. 64-76. – DOI: 10.17059/udf-2022-4-6.
 10. Razvitie monogorodov Rossii: monografiya / koll. avt. pod red. d-ra ehkon. nauk, prof. I.N. Il'inov. M.: Finansovyi universitet, 2013. 168 s. ISBN 978-5-7942-1036-1
 11. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Fauzer G. N. Demograficheskaya otsenka ustoichivogo razvitiya malykh i srednikh gorodov rossiiskogo Severa // Ehkonomika regiona. 2021. T. 17, vyp. 2. S. 552-569. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14>
 12. Politika prostranstvennogo razvitiya ehkonomiki Kazakhstana: novye printsipy, klyuchevye priority i mekhanizmy realizatsii. Koll. monografiya. Pod red. A.A. Satybaldina, N.K. Nurlanovoi. Almaty: IEH KN MON RK. 2017. – 484 s. ISBN 978-601-215-153-8
 13. Nurlanova N.K., Satybaldin A.A., Kireeva A.A. Metodicheskie osnovy i praktika otsenki potentsiala razvitiya i ehkonomicheskoi spetsializatsii regionov Kazakhstana. Pod red. A.A. Satybaldina. – Almaty: IEH KN MON RK. 2016 g. – 74 s. (broshyura) ISBN 978-601-215-138-1
 14. Saiymova, M. D. Osnovnye faktory po realizatsii strategii industrial'no-innovatsionnogo razvitiya v regionakh Kazakhstana / M. D. Saiymova. – Tekst : neposredstvennyi // Molodoi uchenyi. – 2010. – № 1-2 (13). – T. 1. – S. 253-256. – URL: <https://moluch.ru/archive/13/1165/> (data obrashcheniya: 06.07.2023).
 15. M.D.Saiymova, B.B. Dyisenbaeva, G.K.Demeuova. Qazaqstandary monokalalardyń damy maseleleri // Statistika, esep zhene audit №2 (73), 2019. B. 159-164.
 16. G.B. Asanova, G.B.Nyrseitova «Qazaqstan Respublikasyndary monokalalardy damytu bardarlamalaryn taldaU». Central Asian Economic Review. 2022;(1):73-85. DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2022-1-73-85>
 17. G. B. Nurseiytova, G. B. Assanova «Opportunities for increasing investment attractiveness of small towns». News of the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of social and human sciences. Volume 3, Number 331 (2020), 294 – 301. ISSN 2224-5294 <https://doi.org/10.32014/2020.2224-5294.95>
 18. Kryukova E.M. Osobennosti finansirovaniya infrastruktury monogoroda Baikonur (Respubliki Kazakhstan) iz Federal'nogo byudzheta Rossiiskoi Federatsii // Sotsial'naya politika i sotsiologiya №4 (105), tom 1, 2014 g. S.32-43.
 19. Bokaev B.N., Abenov S.A. Sovershenstvovanie gosudarstvennoi politiki po ustoichivomu razvitiyu monogoroda: rezul'taty ehmpiricheskikh dannyykh (keis g. Zhezkazgan) // VESTNIK KaZNPU im. Abaya, seriya «Sotsiologicheskie i politicheskie nauki», №2 (74), 2021 g. S. 30-40. <https://doi.org/10.51889/2021-2.1728-8940.05>

